

ПОВѢСТИ

ПОКОЙНАГО

ИВАНА ПЕТРОВИЧА БѢЛКИНА,

ИЗДАНЫЯ

А. П.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1831.

ПОВѢСТИ

ПОКОЙНАГО

ИВАНА ПЕТРОВИЧА БѢЛКИНА,

ИЗДАНЫЯ

А. П.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА.

То, мой башюшка, онъ еще съизмала
къ испоріямъ охошникъ.
скотьяннъ.

Мишрофанъ по мнѣ.

Недоросль.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Плюшара.

1831.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Взявшись хлопотать объ изданіи книги, предлагаемой нынѣ публикѣ, мы желали къ оной присовокупить хотя краткое жизнеописаніе покойнаго Авшора, и шѣмъ опчаспи удовольворить справедливому любопытству любительей опечесивенной словесности. Для сего обратились-бымо мы къ Марьѣ Алексеевнѣ Трафилиной, ближайшей родственницѣ и наследницѣ Ивана Пешрови-

ча Бѣлкина ; но къ сожалѣнію ей невозможно было намъ доставить никакого о немъ извѣстія, ибо покойникъ вовсе не былъ ей знакомъ. Она совѣщала намъ опнеспись по сему предмету къ одному почтенному мужу, бывшему другомъ Ивану Пепровичу. Мы послѣдовали сему совѣшу, и на письмо наше получили нижеслѣдующій желаемый отвѣтъ. Помѣщаемъ его безо всякихъ перемѣнъ и примѣчаній, какъ драгоценный памятникъ благороднаго образа мыслей и протгашельнаго дружества, а вмѣстѣ съ шѣмъ, какъ и весьма достопамятное біографическое извѣстіе.

Милостивый Государь мой ** ** !

Почтеннѣйшее письмо ваше опть 15-го сего мѣсяца получишь имѣлъ и честь 23 сего же мѣсяца, въ коемъ вы изъясняете мнѣ свое желаніе имѣшь подробное извѣстіе о времени рожденія и смерти, о службѣ, о домашнихъ обстоятельствахъ, также и о занятіяхъ и нравѣ покойнаго Ивана Пепровича Бѣлкина, бывшаго моего искреннаго друга и сосѣда по помѣстьямъ. Съ великимъ моимъ удовольствіемъ исполняю сіе ваше желаніе и препровождаю къ вамъ, Милостивый Государь мой, все, что изъ его разговоровъ, а так-

VIII

же изъ собственныхъ моихъ наблюдений запомнить могу.

Иванъ Пепровичъ Бѣлкинъ родился отъ честныхъ и благородныхъ родителей въ 1798 году въ селѣ Горюхинѣ. Покойный отецъ его, Секундъ-Маіоръ Пепръ Ивановичъ Бѣлкинъ, былъ женатъ на дввицѣ Пелагеѣ Гавриловнѣ изъ дому Трафилиныхъ. Онъ былъ человекъ не богатый, но умеренный, и по части хозяйства весьма смѣшленный. Сынъ ихъ получилъ первоначальное образованіе отъ деревенскаго дѣлчка. Сему-по почтенному мужу былъ онъ, кажется, обязанъ охотою къ чтенію и занятіямъ по части Русской

Словесности. Въ 1815 году вступилъ онъ въ службу въ пѣхотной егерской полкъ (числомъ не упомяну), въ коемъ и находился до самаго 1823 года. Смерть его родителей, почти въ одно время приключившаяся, понудила его подать въ опекунскую и прѣхать въ село Горюхино, свою опочину.

Вступивъ въ управленіе имѣнія, Иванъ Пепровичъ, по причинѣ своей неопытности и мягкосердія, въ скоромъ времени запустилъ хозяйство и ослабилъ строгій порядокъ, введенный покойнымъ его родителемъ. Сѣнивъ исправнаго и распоряднаго старосту, коимъ крестьяне его (по

Х

ихъ привычекъ) были недовольны, поручилъ онъ управление села спарой своей ключницѣ, пріобрѣтшей его довѣренностью искусствомъ рассказывать испоріи. Сія добрая, но глупая спаруха не умѣла никогда различить двадцати пятирублевой ассигнаціи отъ пятидесятирублевой; крестьяне, коимъ она всѣмъ была кума, ея вовсе не боялись; ими выбранный спароспа до того имъ пошворшвовалъ, плуруя заодно, что Иванъ Пешровичъ принужденъ былъ опмѣнить барщину и учредить весьма умеренный оброкъ; но и плушъ крестьяне, пользуясь его слабосшію, на первый годъ выпро-

сили себѣ нарочитую льготу, а въ слѣдующіе болѣе двухъ прешей оброка плашили орѣхами, брусникою и шому подобнымъ; и шущь были недоимки.

Бывъ пріятель покойному родителю Ивана Пепровича, я починялъ долгомъ предлагать и сыну свои совѣты, и неоднократно вызывался возстановить прежній, имъ утуненный, порядокъ. Для сего, пріѣхавъ однажды къ нему, попребавалъ я хозяйственныя книги, призвалъ плуна спаросшу, и въ присупствіи Ивана Пепровича занялся раземопрѣніемъ оныхъ. Молодой хозяинъ сначала спалъ слѣдовать за мною со

ХП

всевозможнымъ вниманіемъ и прилъ-
жностію ; но какъ по щепамъ ока-
залось, что въ послѣдніе два года
число креспьянъ умножилось, число
же дворовыхъ птицъ и домашняго
скопа нарочито уменьшилось, по
Иванъ Пепровичъ довольствовался
симъ первымъ свидѣніемъ и далѣе
меня не слушалъ, и въ ту самую
минуточку, какъ я своими разысканіями
и спрогими допросами плуша спа-
роспу въ крайнее замѣшательство
привелъ, и къ совершенному безмол-
вію принудилъ, съ великою моею
досадою услышалъ я Ивана Пепро-
вича крѣпко храпящаго на своемъ
спулѣ. Съ тѣхъ поръ переспалъ я

вмѣшивалъся въ его хозяйственныя распоряженія и предалъ его дѣла (какъ и онъ самъ) распоряженію Все-вышняго.

Сіе дружескихъ нашихъ сношеній ни сколько впрочемъ не разсстроило; ибо я, соболѣзнуя его слабости и пагубному нерадѣнію, общему молодымъ нашимъ дворянамъ, искренно любилъ Ивана Пепровича; да не лзя было и не любить молодого человека столь крошкого и честнаго. Съ своей стороны Иванъ Пепровичъ оказывалъ уваженіе къ моимъ лѣтамъ и сердечно былъ ко мнѣ приверженъ. До самой кончины своей онъ почти каждый день со мною

XIV

видѣлся, дорожа простою моею бѣсѣдою, хотя ни привычками, ни образомъ мыслей, ни нравомъ, мы большею частію другъ съ другомъ не сходспивали.

Иванъ Пепровичъ велъ жизнь самую умѣренную, избѣгалъ всякаго рода излишесствъ; никогда не случилось мнѣ видѣть его навеселѣ (что въ краю нашемъ за неслыханное чудо почесаться можешь); къ женскому же полу имѣлъ онъ великую склонность, но спыдливоссть была въ немъ испинно дѣвическая (*).

(*) Слѣдуетъ анекдотъ, коего мы не помѣщаемъ, полагая его излишнимъ; впрочемъ увѣремъ

Кромѣ повѣстей, о которыхъ въ письмѣ вашемъ упоминашь изволише, Иванъ Пешровичъ оспавилъ множество рукописей, которыхъ частію у меня находящяся, частію употреблены его ключницею на разныя домашнія потребности. Такимъ образомъ прошлаго зимою всѣ окна ея флигеля заклеены были первою частію романа, котораго онъ не кончилъ. Вышеупомянутыя повѣсти были, кажется, первымъ его опытомъ. Онъ, какъ сказывалъ Иванъ Пешровичъ, болшего частію справедливы и слы-

читателя, что онъ ничего предосудительнаго намяти Ивана Пешровича Бякина въ себѣ не заключаетъ.

шаны имъ опъ разныхъ особъ (*). Однакожь имена въ нихъ почти все вымышлены имъ самимъ, а названія селъ и деревень заимствованы изъ нашего околка, опъ чего и моя деревня гдѣ-то упомянута. Сіе произошло не опъ злаго какаго либо намеренія, но единственно опъ недоспашка воображенія.

(*) Въ самомъ дѣлѣ, въ рукописи Г. Бѣлкина, падеъ каждой повѣстїю рукою Автора написано: слышано мною опъ *такой-то особы* (чпгъ или званіе и заглавныя буквы имени и фамиліи). Выписываемъ для любозпышныхъ изыскателей: *Смотритель* разсказаъ былъ ему Типулярнымъ Совѣтникомъ А. Г. Н., *Выстрѣлъ* Подполковникомъ И. А. П., *Гробовщикъ* прикащикомъ Б. В., *Метель* и *Барышня* двяницею К. И. Т.

Иванъ Пепровичъ осенью 1828 года занемогъ проспудною лихорадкою, обратившеюся въ горячку, и умеръ, не смотря на неусыпныя старанія уѣзднаго нашего лѣкаря, чело-вѣка весьма искуснаго, особенно въ лѣченіи закоренѣлыхъ болѣзней, какъ-шо мозолей, и шому подобное. Онъ скончался на моихъ рукахъ на 30-мъ году отъ рожденія, и похороненъ въ церкви села Горюхина близъ покойныхъ его родителей.

Иванъ Пепровичъ былъ роспу средняго, глаза имѣлъ сѣрые, волосы русые, носъ прямой; лицемъ былъ блѣденъ и худощавъ.

Вопгь, Милоспивый Государь мой, все, что могъ я припомнить, касательно образа жизни, заняпій, нрава и наружности покойнаго сосѣда и пріятеля моего. Но въ случаѣ, если заблагоразсудите сдѣлать изъ сего моего письма какое либо употребленіе, всепокорнѣйше прошу никакъ имени моего не упоминашь; ибо хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но въ сіе званіе вступаю полагая излишнимъ и въ мой лѣтъ неприличнымъ. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и проч. »

1830 году Ноября 16.

Село Ненародово.

Починая долгомъ уважить волю почтеннаго друга Автора нашего, приносимъ ему глубочайшую благодарность за доставленные намъ извѣстія, и надѣемся, что публика оценитъ ихъ искренность и добродушіе.

А. П.

ВЫСТРѢЛЪ.

ВЫСТРѢЛЪ.

I.

Спрѣлялись мы.

БАРАТЫНСКІЙ.

Я поклялся заспрѣлянь сго по
праву дуэли
(За нимъ остался еще мой вы-
спрѣль).

Всערъ на бизуакъ.

МЫ спояли въ мѣсечкѣ ***. Жизнь
армейскаго офицера извѣсна. Упрямъ
ученье, манежъ; обѣдъ у Полковаго
Командира или въ Жидовскомъ прак-
тирѣ; вечеромъ пуншъ и карпы.
Въ *** не было ни одного ошкрянаго

дома, ни одной невѣстны; мы собирались другъ у друга; гдѣ, кромѣ своихъ мундировъ, не видали ничего.

Одинъ только человекъ принадлежалъ нашему обществу, не будучи военнымъ. Ему было около тридцати пяти лѣтъ, и мы за то почитали его спарикомъ. Опытность давала ему передъ нами многія преимущества; къ тому же его обыкновенная угрюмость, крупной нравъ и злой языкъ имѣли сильное вліяніе на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; онъ казался Русскимъ, а носилъ иностранное имя. Нѣкогда онъ служилъ въ Гусарахъ, и даже щасливо; никто не зналъ причины, побудившей его выйти въ опсшавку и поселиться въ бѣдномъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ онъ вмѣстѣ и бѣдно и роскошно: ходилъ вѣчно пѣшкомъ,

въ изношенномъ черномъ серпукѣ, а держалъ открышій споль для всѣхъ офицеровъ нашего полка. Правда, объѣдъ его состоялъ изъ двухъ или трехъ блюдъ, изготовленныхъ опытнымъ солдатомъ, но Шампанское лилось припомъ рѣкою. Никшо не зналъ ни его состоянія, ни его доходовъ, и никшо не осмѣливался опомъ его спрашивать. У него водились книги, большею частію военные, да романы. Онъ охотно давалъ ихъ читать, никогда не пребуя ихъ назадъ; за то никогда не возвращалъ хозяину книги, имъ занятой. Главное упражненіе его состояло въ спирѣльбѣ изъ пистолепа. Спѣны его компаны были всѣ испочены пудами, всѣ въ скважинахъ, какъ сопы пчелиные. Богатое собраніе пистолеповъ было единственной роскошью бѣдной мазанки, гдѣ онъ

жилъ. Искусство, до коего достигъ онъ, было неимоверно, и если бъ онъ вызвался пулей сбить грушу съ фуражки кого бъ по ни было, никто бъ въ нашемъ полку не усомнился подспавишь ему своей головы. Разговоръ между нами касался часто поединковъ; Сильвіо (шакъ назову его) никогда въ него не вмѣшивался. На вопросъ, случалось ли ему драться, ошвѣчалъ онъ сухо, что случалось, но въ подробности не входилъ, и видно было, что шаковыя вопросы были ему непріятны. Мы полагали, что на совѣсти его лежала какая нибудь несчастная жертва его ужаснаго искусства. Впрочемъ намъ и въ голову не приходило подозрѣвать въ немъ что нибудь похожее на робость. Есть люди, коихъ одна наружность удаляетъ шаковыя подозрѣнія. Нечаянный случай всѣхъ насъ изумилъ.

Однажды человекъ десяти нашихъ офицеровъ обѣдали у Сильвіо. Пили по обыкновенному; по естѣ очень много; послѣ обѣда спали мы уговаривашъ хозяина промешать намъ банкъ. Долго онъ отказывался, ибо никогда почти не игралъ; наконецъ велѣлъ подать каршы, высыпалъ на столъ полсоши червонцевъ и сѣлъ мешать. Мы окружили его, и игра завязалась. Сильвіо имѣлъ обыкновеніе за игрою хранить совершенное молчаніе, никогда не спорилъ и не объяснялся. Если поншѣру случалось общипаться, то онъ шопчасъ или доплачивалъ доспальное, или записывалъ лишнее. Мы ужъ это знали и не мѣшали ему хозяйничать по своему; но между нами находился офицеръ, недавно къ намъ переведенный. Онъ, играя шупъ же, въ разсѣянности загнулъ лишній уголь. Сильвіо взялъ

мѣлъ и уравнилъ счѣтъ по своему обыкновенію. Офицеръ, думая, что онъ ошибся, пустился въ объясненія Сильвіо молча продолжалъ мѣшати. Офицеръ, пошерявъ шерпѣніе, взялъ щепку и сперъ то, что казалось ему напрасно записаннымъ. Сильвіо взялъ мѣлъ и записалъ снова. Офицеръ, разгоряченный виномъ, игрою и смѣхомъ поварищей, почелъ себя жестокимъ обиженнымъ, и въ бѣшенствѣ схвативъ со стола мѣдный шандаль, пустилъ его въ Сильвіо, котораго едва успѣлъ опклониться отъ удара Мы смутились. Сильвіо вспалъ, поблѣднѣлъ отъ злости и съ сверкающими глазами сказалъ: « милосердивый государь, извольте выпить и благодарите Бога, что это случилось у меня въ домѣ. »

Мы не сомнѣвались въ послѣдствіяхъ, и полагали новаго поварища уже

убишимъ. Офицеръ вышелъ вонъ, сказавъ, что за обиду господъ опшвѣчапъ, какъ будетъ угодно господину банкомешу. Игра продолжалась еще нѣсколько минушь; но чувствуя, что хозяину было не до игры, мы опстали одинъ за другимъ и разбрелись по квартирамъ, толкуя о скорой ваканціи.

На другой день въ манежѣ мы спрашивали уже, живъ ли еще бѣдный Поручикъ, какъ самъ онъ явился между нами; мы сдѣлали ему пощъ же вопросъ. Онъ опшвѣчалъ, что объ Сильвіо не имѣлъ онъ еще никакого извѣстія. Это насъ удивило. Мы пошли къ Сильвіо и нашли его на дворѣ, сажающаго пулю на пулю въ шуза, приклееннаго къ воропамъ. Онъ принялъ насъ пообыкновенному, ни слова не говоря о вчерашнемъ происшествіи. Прошло три дня, Пору-

чикъ былъ еще живъ. Мы съ удивленіемъ спрашивали: не ужели Сильвіо не будетъ драться? Сильвіо не дрался. Онъ довольствовался очень легкимъ объясненіемъ и помирился.

Эпо-было чрезвычайно повредило ему во мнѣніи молодежи. Недоспашокъ смѣлости менѣе всего извиняется молодыми людьми, которые въ храброссти обыкновенно видящъ верхъ человѣческихъ достоинствъ и извиненіе всевозможныхъ пороковъ. Однакожь мало по малу все было забыто, и Сильвіо снова пріобрѣлъ прежнее свое вліяніе.

Одинъ я не могъ ужс къ нему приблизиться. Имѣя опть природы романическое воображеніе, я всѣхъ сильнѣе прежде сего былъ привязанъ къ чело-вѣку; коего жизнь была загадкою, и которъй казался миѣ героемъ таинственной какой-то повѣсти. Онъ

любилъ меня; по крайней мѣрѣ со мною однимъ оспавлялъ обыкновенное свое рѣзкое злорѣчіе и говорилъ о разныхъ предметахъ съ просподушіемъ и необыкновенною пріятностію. Но послѣ несчастнаго вечера, мысль, что честь его была замарана и не омыта по его собственнѣйшей волѣ, эта мысль меня не покидала и мѣшала мнѣ обходиться съ нимъ по прежнему; мнѣ было совѣстно на него глядѣть. Сильвіо былъ слишкомъ уменъ и опытенъ, чтобы этого не замѣтить и не угадывать по тому причины. Казалось, это огорчало его; по крайней мѣрѣ я замѣтилъ два въ немъ желаніе со мною объясниться; но я избѣгалъ такихъ случаевъ, и Сильвіо опть меня опспунился. Съ тѣхъ поръ видался я съ нимъ только при поварницахъ,

и прежніе онкровенные разговоры наши прекрашились.

Разсѣянные жищели спюлицы не имѣюпть поняшїа о многихъ впечатлѣнїяхъ спюль извѣспныхъ жищеламъ деревень или городковъ, напрімѣръ, объ ожиданїи почпвоаго дня: во вшорникъ и пяшницу полковая наша канцелярїа была полна офицерами; кпю ждалъ денегъ, кпю письма, кпю газетъ. Пакеты обыкновенно шуптъ же распечашывались, новости сообщались, и канцелярїа предспавляла карпину самую оживленную. Сильвіо получалъ письма, адресованныя въ нашъ полкъ, и обыкновенно шуптъ же находился. Однажды подали ему пакетъ, съ котораго онъ сорвалъ печать съ видомъ величайшаго неперпѣнїя. Пробѣгая письмо, глаза его сверкали. Офицеры, каждый заняшый своими письмами, ничего не замѣшили.

«Господа, сказалъ имъ Сильвіо, об-
стоятельствва шребующъ немедлен-
наго моего опсушствія; жду сегодня
въ ночь; надѣюсь, что вы не отка-
жетесь опобѣдать у меня въ по-
слѣдній разъ. Я жду и васъ, продолжалъ
онъ, обратившись ко мнѣ, жду непре-
мѣнно.» Съ симъ словомъ онъ поспѣ-
шно вышелъ; а мы согласясь соеди-
нились у Сильвіо, разошлись каждый
въ свою спорону.

Я пришелъ къ Сильвіо въ назна-
ченное время и нашелъ у него почти
весь полкъ. Все его добро было уже
уложено; оспавались одни голыя,
проспѣленные стѣны. Мы сѣли за
столъ; хозяинъ былъ чрезвычайно
въ духѣ, и скоро веселость его со-
дѣлалась общою; пробки хлопали
поминушно, стаканы пѣвились и
шипѣли безпресшанно, и мы со все-
возможнымъ усердіемъ желали опъ-

тѣжающему добраго пуши и всякаго блага. Вспали изъ за спола уже поздно вечеромъ. При разборѣ фуражекъ Сильвіо со всѣми прощался, взялъ меня за руку и оспановилъ въ шу самую минушу, какъ собирался я выйши. «Мнѣ нужно съ вами погово- рить», сказалъ онъ тихо. Я оспанлся.

Госпи ушли; мы оспанились вдво- емъ, съли другъ прошиву друга и молча закурили шрубки. Сильвіо былъ озабоченъ; не было уже и слѣдовъ его судорожной веселости. Мрачная блѣдность, сверкающіе глаза и гу- стной дымъ, выходящій изо рпу, при- давали ему видъ насполщаго дьявола. Прошло нѣсколько минушъ, и Силь- віо прервалъ молчаніе. «Можетъ быть, мы никогда больше не увидимся,» ска- залъ онъ мнѣ;» передъ разлукой я хопгълъ съ вами объяснишься. Вы могли замѣнить, что я мало уважаю

поспороннеемѣніе; но я васъ люблю, и чувствую: мнѣ было бы пѣгосшно оспавишь въ вашемъ умѣ несправедливое впечатлѣніе.»

Онъ оспановился и спалъ набивашь выгорѣвшую свою шрубку; я молчалъ, пошупя глаза.

« Вамъ было спранно, продолжалъ онъ, что я не пребовалъ удовольствовренія онъ эшого пьянаго сумазброта Р***. Вы согласишесь, что, имѣя право выбрашь оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ, а мол почши безопасна: я могъ бы приписать умѣренность мою одному великодушію, но не хочу лгать. Если бъ я могъ наказашь Р***, не подвергая вовсе моей жизни, шо я бъ ни за что не проспиль его.»

Я смонрѣлъ на Сильвіо съ изумленіемъ. Таковое признаніе совершенно смушило меня. Сильвіо продолжалъ.

«Такъ точно: я не имѣю права подвергать себя смерти. Шестъ лѣтъ тому назадъ я получилъ пощечину, и врагъ мой еще живъ.»

Любопытство мое сильно было возбуждено. «Вы съ нимъ не дрались?» спросилъ я. «Обстоятельства вѣрно васъ разлучили?»

.. «Я съ нимъ дрался», опивчалъ Сильвіо, «и воцѣлъ памятникъ нашего поединка.»

Сильвіо вспаль и вынулъ изъ кармана красную шапку съ золотою кистью съ галуномъ (то, что Французъ называютъ *bonnet de police*); онъ ее надѣлъ; она была проспрѣлена на вершокъ ошо лба.

«Вы знаете», продолжалъ Сильвіо, «что я служилъ въ *** Гусарскомъ полку. Характеръ мой вамъ извѣстенъ: я привыкъ первенствовать, но смолоду это было во мнѣ спрашю. Въ наше время буйство было

въ модѣ: я былъ первымъ буйномъ по арміи. Мы хвастались пьянствомъ: я перепилъ славнаго Б***, воспѣшаго Д. Д.—мъ. Дуэли въ нашемъ полку случались поминутно: я на всѣхъ былъ или свидѣтелемъ, или дѣйствующимъ лицомъ. Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно смѣняемые; сморщили на меня; какъ на необходимое зло.

Я спокойно (или безпокойно) наслаждался моею славою, какъ опредѣмлялся къ намъ молодой человекъ богатой и знашной фамиліи (не хочу называть его). Опроду не встрѣчалъ щасливца столь блистательнаго! Вообразите себѣ молодость, умъ, красоту, веселость самую бѣшеную; храбрость самую безпечную, громкое имя, деньги, копорымъ не зналъ онъ счѣта и копорья никогда у него не переводились, и предсказывте себѣ,

какое дѣйствіе долженъ былъ онъ произвѣсти между нами. Первенство мое поколебалось. Обольщенный моею славою, онъ спалъ-было искашь моего дружества; но я принялъ его холодно, и онъ безо всякаго сожалѣнія отъ меня удался. Я его возненавидѣлъ. Успѣхи его въ полку и въ обществѣ женщинъ приводили меня въ совершенное опчальнѣ. Я спалъ искашь съ нимъ ссоры; на эпиграммы мои отвѣчалъ онъ эпиграммами, копорья всегда казались мнѣ неожиданныѣ и оспрѣ моихъ, и копорья конечно непримѣръ были веселѣ: онъ шутилъ, а я злобствовалъ. Наконецъ однажды на балѣ у Польскаго помещика, видя его предметомъ вниманія всѣхъ дамъ, и особенно самой хозяйки, бывшей со мною въ связи, я сказалъ ему на ухо какую-то плоскую грубость. Онъ вспыхнулъ и

далъ мнѣ пощечину. Мы бросились къ саблямъ; дамы попадали въ обморокъ; насъ разшацили, и въ шу же ночь поѣхали мы драться.

Это было на разсвѣтѣ. Я споялъ на назначенномъ мѣстѣ съ моими премо секунданшами. Съ неизъяснимымъ нешерпѣніемъ ожидалъ я моего пропивника. Весеннее солнце взошло и жаръ уже наспѣвалъ. Я увидѣлъ его издали. Онъ шелъ пѣшкомъ, съ мундиромъ на саблѣ, сопровождаемый однимъ секундантомъ. Мы пошли къ нему навстрѣчу. Онъ приблизился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданши опмѣряли намъ двѣнадцать шаговъ. Мнѣ должно было стрѣлять первому: но волненіе злобы во мнѣ было столь сильно, что я не понадѣлся на вѣрность руки, и чіюбы дать себѣ время остыть, уступалъ ему первый выстрѣлъ;

прошивникъ мой не соглашался. По-
ложили бросить жребій: первый Но
доспался ему, вѣчному любимцу
щаслія. Онъ прицѣлился и проспирѣ-
лилъ мнѣ фуражку. Очередь была за
мною. Жизнь его наконецъ была въ
моихъ рукахъ; я глядѣлъ на него
жадно, стараясь уловить хоть одну
пѣнь безпокойства. Онъ сползалъ
подъ пистолетомъ, выбирая изъ
фуражки спѣлыя черешни, и выпле-
вывая косточки, копорыя долетали
до меня. Его равнодушіе взбѣсило
меня. Что пользы мнѣ, подумалъ я,
лишить его жизни, когда онъ ею
вовсе не дорожитъ? Злобная мысль
мелькнула въ умѣ моемъ. Я опустилъ
пистолетъ. Вамъ кажется шеперь
не до смерти, сказалъ я ему, вы
изволите завпракать; мнѣ не хочется
вамъ помѣшать. Вы ни чупь не мѣ-
шасте мнѣ, возразилъ онъ, извольте

себѣ спрѣляшь, а впрочемъ какъ вамъ угодно; выспрѣль вашъ осщается за вами; я всегда гошовъ къ вашимъ услугамъ. Я обратился къ секундантамъ, объявивъ, что нынче спрѣляшь не намѣренъ, и поединокъ шѣмъ и кончился.

Я вышелъ въ ошсшавку и удалился въ это мѣспечко. Съ шѣхъ поръ не прошло ни одного дня, чтообъ я не думалъ о мщениі. Нынѣ часть мой насшалъ »

Сильвіо вынулъ изъ кармана ушромъ полученное письмо, и далъ мнѣ его чипашъ. Кшо-шо (казалось, его повѣреннѣй по дѣламъ) писалъ ему изъ Москвы, что *извѣстная особа* скоро должна вспупишь въ законнѣй бракъ съ молодой и прекрасной дѣвушкой.

« Вы догадываетесь, » сказалъ Сильвіо, кшо эша *извѣстная особа*. Ёду въ Москву. Посмотримъ, шакъ ли

равнодушно приметъ онъ смерть передъ своей свадьбой, какъ нѣкогда ждалъ ее за черешнями!»

При сихъ словахъ Сильвіо вспалъ, бросилъ объ полъ свою фуражку и спалъ ходилъ взадъ и впередъ по комнапѣ, какъ шигръ по своей клѣпкѣ. Я слушалъ его неподвижно; снранныя, противоположныя чувства волновали меня.

Слуга вошелъ и объявилъ, что лошади готовы. Сильвіо крѣпко сжалъ мнѣ руку; мы поцаловались. Онъ сѣлъ въ пележку, гдѣ лежали два чемодана, одинъ съ писполошами, другой съ его пожипками. Мы простипались еще разъ, и лошади поскакали.

II.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и домашнія обстоятельства принудили меня поселиться въ бѣдной деревенькѣ N** уѣзда. Занимаясь хозяйствомъ, я не переспавалъ шихонько вздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни. Всего пруднѣе было мнѣ привыкнувъ проводить весенніе и зимніе вечера въ совершенномъ уединеніи. До обѣда кое-какъ еще допигивалъ я время, полкуя со спароспой, разѣзжая по работамъ или обходя новыя заведенія; но какъ скоро начинало смеркаться, я совершенно не зналъ, куда дѣваться. Малое число книгъ, найденныхъ мною подъ шкафами и въ кладовой, были выпвержены мною наизусть. Всѣ сказки,

которыя только могла запомнить
кляушница Кириловна, были мнѣ пе-
ресказаны; пѣсни бабъ наводили на
меня шоску. Принялся я - было за
неподслащенную наливку, но опѣ
нее болѣла у меня голова; да призна-
юсь, побоялся я сдѣлаться *пьяницею*
съ горя, п. е. самымъ *горькимъ* пѣя-
ницею, чему примѣровъ множеству
видѣлъ я въ нашемъ уѣздѣ.

Ближихъ сосѣдовъ около меня не
было, кромѣ двухъ или трехъ *горь-*
кихъ, конхъ бесѣда состояла большею
частью въ иконы и воздыханіяхъ. Уе-
диненіе было сноснѣе. Наконецъ рѣ-
шился я ложиться спать какъ можно
ранѣе, а обѣдать какъ можно позже;
шакимъ образомъ украсилъ я вечеръ
и прибавилъ долгошы дней, и обре-
похъ, яко се добро естъ.

Въ чешырехъ верстахъ опѣ меня
находилось богатое помѣстье, при-

надлежащее Графинь Б** ; но въ немъ жилъ только управитель, а Графиня посѣщала свое помѣстье только однажды, въ первый годъ своего замужества, и то прожила тамъ не болѣе мѣсяца. Однакожъ во впорую весну моего зашворничества разнесся слухъ, что Графиня съ мужемъ прїѣдетъ на лѣто въ свою деревню. Въ самомъ дѣлѣ, они прибыли въ началѣ Юня мѣсяца.

Прїѣздъ богатаго сосѣда есть важная эпоха для деревенскихъ жителей. Помѣщики и ихъ дворовые люди покупаютъ о помѣ мѣсяца два прежде и года три спустя. Что касается до меня, то, признаюсь, извѣстіе о прибытіи молодой и прекрасной сосѣдки сильно на меня подѣйствовало; я горѣлъ нетерпѣніемъ ее увидѣть, и потому въ первое Воскресенье по ея прїѣздѣ отправился послѣ

обѣда въ село *** рекомендовашься Ихъ Сіяшельсшвамъ, какъ ближайшій сосѣдь и всепокорнѣйшій слуга.

Лакей ввелъ меня въ Графской кабинетъ, а самъ пошелъ обо мнѣ доложитъ. Обширный кабинетъ былъ убранъ со всевозможною роскошью; около стѣнъ стояли шкафы съ книгами, и надъ каждымъ бронзовый бюстъ; надъ мраморнымъ каминомъ было широкое зеркало; полъ обитъ былъ зеленымъ сукномъ и устланъ коврами. Ошвыкнувъ оцъ роскоши въ бѣдномъ углу моемъ, и уже давно не видавъ чужаго богатшва, я оробѣлъ и ждалъ Графа съ какимъ-то препеномъ, какъ просишелъ изъ провинціи ждеетъ выхода Министра. Двери отворились, и вошелъ мущина лѣтъ тридцати двухъ, прекрасный собою. Графъ приблизился ко мнѣ съ видомъ открытымъ и дружелюб-

нымъ; я спарался ободриться и началъ было себя рекомендовать, но онъ предупредилъ меня. Мы съѣли. Разговоръ его, свободный и любезный, вскорѣ разсѣялъ мою одичалую застенчивость; я уже начиналъ входить въ обыкновенное мое положеніе, какъ вдругъ вошла Графиня, и смущеніе овладѣло мною пуще прежняго. Въ самомъ дѣлѣ, она была красавица. Графъ предспавилъ меня; я хотѣлъ казаться развязнымъ, но чѣмъ больше спарался взять на себя видъ непринужденности, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя неловкимъ. Они, чшобъ дать мнѣ время оправиться и привыкнуть къ новому знакомству, спала говорили между собою, обходясь со мною какъ съ добрымъ соседомъ и безъ церемоніи. Между тѣмъ я спалъ ходилъ взадъ и впередъ, осматривая книги и каршины. Въ

карпинахъ я не знашюкъ, но одна привлекла мое вниманіе. Она изображала какой-шо видъ изъ Швейцаріи; но поразила меня въ ней не живопись, а шо, что карпина была проспрълена двумя пулями, всажеными одна на другую. «Вошъ хорошій выспръль» сказалъ я, обращаясь къ Графу. — «Да, ошвѣчалъ онъ, выспръль очень замѣчательный. А хорошо вы спръляете?» продолжалъ онъ. — «Изрядно,» ошвѣчалъ я, обрадовавшись, что разговоръ коснулся наконецъ предмета, мнѣ близкаго. «Въ тридцати шагахъ промаху въ каршу не дамъ, разумѣется, изъ знакомыхъ пистолетовъ. — «Право?» сказала Графиня съ видомъ большой внимательности; «а ты, мой другъ, поиадешь ли въ каршу на тридцати шагахъ?» Когда нибудь, ошвѣчалъ Графъ, мы попробуемъ. Въ свое время я спрълялъ не худо; но вошъ уже

чепыре года, какъ я не бралъ въ руки пистолеца.» — «О, замѣнилъ я, въ шакомъ случаѣ бьюсь объ закладъ, что Ваше Сіятельство не попадете въ каршу и въ двадцати шагахъ: пистолець пребуесть ежедневнаго упражненія. Это я знаю на опытъ. У насъ въ полку я считался однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ. Однажды случилось мнѣ цѣлый мѣсяць не брашь пистолеца: мои были въ починкѣ; что же бы вы думали, Ваше Сіятельство? Въ первый разъ, какъ спалъ потомъ стрѣлять, я далъ сразу чепыре промаха по бушылкѣ въ двадцати пяти шагахъ. У насъ былъ Роммисстръ, острякъ, забавникъ; онъ шупъ случился и сказалъ мнѣ: знаешь у себя, брашь, рука не поднимается на бушылку. Нѣтъ, Ваше Сіятельство, не должно пренебрегать этимъ упражненіемъ, не

то опвыкнешь какъ разъ. Лучшій спрѣлокъ, копораго удалось мнѣ встрѣчать, спрѣлялъ каждый день, по крайней мѣрѣ при раза передъ обѣдомъ. Это у него было заведено, какъ рюмка водки. «Графъ и Графиня рады были, что я разговорился. «А каково спрѣлялъ онъ?» спросилъ меня Графъ. «Да вопъ какъ, Ваше Сіапсельсшво: бывало увидишь онъ, съла на спѣну муха: вы смѣпесь, Графиня? Ей Богу, правда. Бывало, увидишь муху и кричишь: Кузька, писшолешъ! Кузька и несешъ ему заряженный писшолешъ. Онъ хлопъ, и вдавишь муху въ спѣну! «Это удивипельно!» сказалъ Графъ; «а какъ его звали?» «Сильвіо, Ваше Сіапсельсшво.» «Сильвіо!» вскричалъ Графъ, вскочивъ со своего мѣспа; «вы знали Сильвіо?» Какъ не знать, Ваше Сіапсельсшво; мы были съ нимъ пріапели; онъ въ нашемъ полку при-

нѣшъ былъ, какъ свой брата шова-
рищъ; да вошъ ужъ лѣшъ пяшъ, какъ
объ немъ не имѣю никакого извѣсшя.
Такъ и Ваше Сіашельство спалобышъ
знали его?» — «Зналъ, очень зналъ. Не
расказывалъ ли онъ вамъ одного очень
спраннаго происшествія? «Не поще-
чина ли, Ваше Сіашельство, получен-
ная имъ на балѣ опъ какого-шо повѣсы?»
А сказывалъ онъ вамъ имя эшаго повѣ-
сы?» Нѣшъ, Ваше Сіашельство, не
сказывалъ... Ахъ! Ваше Сіашельство,
продолжалъ я, догадывалесь объ ис-
пинѣ, извините... я не зналъ... ужъ не
выли?»... «Я самъ, опвѣчалъ Графъ, съ
видомъ чрезвычайно распроеннымъ,
а проспрѣленная картина есть па-
мятникъ послѣдней нашей встрѣчи»..
«Ахъ, милый мой, сказала Графиня,
ради Бога не рассказывай; мнѣ спра-
шно будетъ слушать.» «Нѣшъ, возра-
зилъ Графъ, я все расскажу; онъ знаешъ,

какъ я обидѣлъ его друга: пусть же узнаешь, какъ Сильвіо мнѣ опомспилъ.» — Графъ подвинулъ мнѣ кресла, и я съ живѣйшимъ любопытствомъ услышалъ слѣдующій разсказъ.

«Пять лѣтъ тому назадъ я женился. Первый мѣсяцъ, the honey-moon, провелъ я здѣсь, въ этой деревнѣ. Этому дому обязанъ я лучшими минутами жизни и однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній.

Однажды вечеромъ ѣздили мы вмѣстѣ верхомъ; лошадь у жены чпопно заупрямилась; она испугалась, опдала мнѣ поводья и пошла пѣшкомъ домой. На дворѣ увидѣлъ я дорожную шелегу; мнѣ сказали, что у меня въ кабинетѣ сидитъ человекъ, не хотѣвшій объявить своего имени, но сказавшій просто, что ему до меня есть дѣло. Я вошелъ въ эту комнату, и увидѣлъ въ темнотѣ

человѣка запыленного и обросшаго бородой; онъ стоялъ здѣсь у камна. Я подошелъ къ нему, спараясь припомнить его черты. Ты не узналъ меня, Графъ? сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. Сильвіо! закричалъ я, и признаюсь, я почувствовалъ, какъ волосы спали вдругъ на мнѣ дыбомъ. Такъ шочно, продолжалъ онъ, высрѣлъ за мною; я прѣхалъ разрядить мой пистолетъ; готовъ ли ты? Пистолетъ у него шорчалъ изъ боковаго кармана. Я опмѣрилъ двѣнадцать шаговъ, и спалъ тамъ въ углу, прося его высрѣлиться скорѣе, пока жена не ворошилась. Онъ медлилъ — онъ спросилъ огня. Подали свѣчи. — Я заперъ двери, не велѣлъ никому входить, и снова просилъ его высрѣлиться. Онъ вынулъ пистолетъ и прицѣлился... Я считалъ секунды. . . . я думалъ о ней... Ужасная

прошла минуша! Сильвіо опустилъ руку. Жалю, сказалъ онъ, что нисполешъ заряденъ не черешневыми косточками... пуля шажела. Мнѣ все кажешся, что у насъ не дуэль, а убійство: я не привыкъ цѣлить въ безоружнаго. Начнемъ сызнова; кинемъ жеребій, кому спрѣляшь первому. Голова моя шла кругомъ.... Кажешся, я не соглашался.... Наконецъ мы зарядили еще нисполешъ; свернули два билета; онъ положилъ ихъ въ фуражку, нѣкогда мною проспрѣленную; я вынулъ опять первый номеръ. Ты, Графъ, дьявольски ѣсплилъ, сказалъ онъ съ усмѣшкою, копорой никогда не забуду. Не понимаю, что со мною было, и какимъ образомъ могъ онъ меня къ тому принудить,.... но — я выспрѣлилъ, и попалъ вошь въ эпу каршину. (Графъ указывалъ пальцемъ на про-

спрѣленную картину; лице его горѣло какъ огонь; Графиня была блѣднѣе своего плашка: я не могъ воздержаться отъ восклицанія).

Я выспрѣлилъ, продолжалъ Графъ, и слава Богу, даль промахъ; тогда Сильвіо (въ эту минушу онъ былъ, право, ужасенъ) Сильвіо спалъ въ меня прицѣливаясь. Вдругъ двери отворились, Маша вбѣгаетъ, и съ визгомъ кидается мнѣ на шею. Ея присунувшіе возвратило мнѣ всю бодрость. Милая, сказалъ я ей, развѣ ты не видишь, что мы шумимъ? Какъ же ты перепугалась! поди, выпей спаканъ воды и приди къ намъ; я предспавлю тебѣ спариннаго друга и шоварища. Маша все еще не вѣрилось. Скажице, правду ли мужъ говоришь? сказала она, обращаясь къ грозному Сильвіо; правда ли, что вы оба шумите? Онъ всегда шумишь,

Графиня, опшвѣчалъ ей Сильвію; однажды далъ онъ мнѣ шушя пощечину, шушя проспрѣлялъ мнѣ воптъ эшу фуражку, шушя далъ сей часъ по мнѣ промахъ; теперь и мнѣ пришла охоша пощунить... Съ эшимъ словомъ онъ хоцѣлъ въ меня прицѣлипся... при ней! Маша бросилась къ его ногамъ. Вспань, Маша, спыдно! закричалъ я въ бѣшенствѣ; а вы, сударь, переспанеше ли издѣвашься надъ бѣдной женщиной? Будете ли вы спрѣлять или нѣтъ? Не буду, опшвѣчалъ Сильвію, я доволенъ: я видѣлъ швое смяпеніе, швою робосшь; я заспавилъ шебя выспрѣлишь по мнѣ, съ меня довольно. Будешь меня помнишь. Предаю шебя швоей совѣспи. Тушъ онъ было вышелъ, но оспановился въ дверяхъ, оглянулся на проспрѣленную мною каршину, выспрѣлялъ въ нее почши

не цѣлясь, и скрылся. Жена лежала въ обморокъ; люди не смѣли его оспановишь и съ ужасомъ на него глядѣли; онъ вышелъ на крыльце, кликнулъ ямщика, и уѣхалъ, прежде чѣмъ успѣлъ я опомнишься.»

Графъ замолчалъ. Такимъ образомъ узналъ я конецъ повѣсти, коей начало нѣкогда такъ поразило меня. Съ героемъ оной уже я не встрѣчался. Сказываютъ, что Сильвіо, во время возмущенія Александра Ипсиланши, предводившеслвовавъ опрядомъ Эперисцовъ и былъ убитъ въ сраженіи подъ Скулянами.

М Е Т Е Л Ъ.

М Е Т Е Л Ъ .

Кони мчашся по буграмъ ;
Топчущъ снѣгъ глубокой
Вопль, въ спорокѣ Божій храмъ
Видѣвъ одинокой.

.
Вдругъ мешелнца кругомъ ;
Снѣгъ валящъ клоками ;
Черный враль, свисля крыломъ,
Вьется надъ санями ;
Выщій стонъ гласитъ печаль !
Кони торопавы
Чудко смотрящъ въ шемну даль,
Воздымал гривы

Жуковскій.

Въ концѣ 1811 года, въ эпоху намъ
доспомянутую, жилъ въ своемъ по-

мѣспѣ Ненарадовѣ добрый Гаврила Гавриловичъ Р**. Онъ славился во всемъ округѣ гостепріимствомъ и радушіемъ; сосѣды поминушно ѣздили къ нему поѣспѣ, пошпѣ, поиграпѣ съ его женою, Прасковьей Пешровною, по пяши копѣекъ въ боспонѣ, а нѣкопорыѣ для шого, чшобъ поглядѣпѣ на дочку ихъ, Марью Гавриловну, спройную, блѣдную и семнадцашпдѣпнюю дѣвицу. Она считалась богашой невѣспою, и многіѣ прочили ее за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на Французскихъ романахъ, и слѣдспвенно была влюблена. Предметъ, избранный ею, былъ бѣдный армейскій Прапорщикъ, находившійся въ оппуску въ своей деревнѣ. Само по себя разумѣпся, чшо молодой чело-вѣкъ пымалъ равною спрасптію, и

что родители его любезной, замѣля ихъ взаимную склонность, запрѣтили дочери о немъ и думать, а его принимали хуже, нежели опсшавнаго заѣдашеля.

Наши любовники были въ перепискѣ, и всякой день видались наединѣ въ сосновой роцѣ или у спарой часовни. Тамъ они клялись другъ другу въ вѣчной любви, сѣповали на судьбу и дѣляли различныя предположенія. Переписываясь и разговаривая шакимъ образомъ, они (что весьма еспешивенно) дошли до слѣдующаго разсужденія: если мы другъ безъ друга дышать не можемъ, а воля жестокихъ родителей препяшшуваетъ нашему благополучію, то нельзя ли намъ будетъ обойтись безъ нея? Разумѣется, что эта щасливая мысль пришла сперва въ

голову молодому челоуьку, и что она весьма понравилась романическому воображенію Марьи Гавриловны.

Наспунила зима и прекратила ихъ свиданія; но переписка сдѣлалась шѣмъ живѣе. Владиміръ Николаевичъ въ каждомъ письмѣ умолялъ ее предаться ему, вѣнчаться пайно, скрываться нѣсколько времени, броситься попомъ къ ногамъ родителей, которые конечно будутъ шронупы наконецъ героическимъ постоянствомъ и несчастьемъ любовниковъ, и скажутъ имъ непременно: Дѣти! придите въ наши объятія.

Марья Гавриловна долго колебалась; множество плановъ побѣга было опровергнуто. Наконецъ она согласилась: въ назначенный день она должна была не ужинать, удалиться въ свою комнату подъ предлогомъ головной боли. Дѣвушка ея была въ заговоръ; объ

онѣ должны были выдти въ садъ черезъ заднее крыльцо, за садомъ найши гошовыя сани, садисься въ нихъ и ѣхашъ за 5 верстѣ опѣ Ненарадова въ село Жадрино, прямо въ церковь, гдѣ ужъ Владиміръ долженъ былъ ихъ ожидать.

Наканунѣ рѣшишельнаго дня, Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала бѣлье и плащѣ, написала длинное письмо къ одной чувствительной барышнѣ, ея подругѣ, другое къ своимъ родителямъ. Она прощалась съ ними въ самыхъ прогашельныхъ выраженіяхъ, извиняла свой прѣсупокъ неодолимою силою спраспи, и оканчивала пѣмъ, что блаженнѣйшею минушою жизни почтешъ она ту, когда позволено будетъ ей бросишся къ ногамъ дражайшихъ ея родителей. Запечатавъ оба письма Тульской печат-

кой, на кошпору изображены были два пылающія сердца съ приличной надписью, она бросилась на поспель передь самымъ разсвѣтомъ и задремала; но и шупъ ужасныя мечпанія поминушно ее пробуждали. То казалось ей, что въ самую минушу, какъ она садилась въ сани, чтобъ ѣхать вѣнчаться, отецъ ея оспанавливалъ ее, съ мучительной быспроной пащиль ея по снѣгу и бросалъ въ темное, бездонное подземелье.... и она летѣла спремглавъ съ неизъяснимымъ замираніемъ сердца; по видѣла она Владиміра, лежащаго на правѣ, блѣднаго, окровавленнаго. Онъ, умирая, молилъ ее пронзительнымъ голосомъ поспѣшишь съ нимъ обвѣчаться.... другія безобразныя, бессмысленныя видѣнія неслись передь нею одно за другимъ. Наконецъ она вспала, блѣднѣе обыкновеннаго и съ

непришворной головою болью. Опецъ и машь замѣнили ея безпокойство; ихъ нѣжная заботливость и безпреспанные вопросы: что съ тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? раздирали ея сердце. Она спаралась ихъ успокоить, казаться веселою, и не могла. Наспупилъ вечеръ. Мысль, что уже въ послѣдній разъ провожаетъ она день посреди своего семейства, стѣсняла ея сердце. Она была чуть жива; она вшайнѣ прощалась со всѣми особами, со всѣми предметами, ея окружавшими. Подали ужинать; сердце ея сильно забилося. Дрожащимъ голосомъ объявила она, что ей ужинать не хочется, и спала прощаться съ опецемъ и машерью. Они ее поцаловали и, по обыкновенію, благословили: она чуть не заплакала. Пришедъ въ свою комнату, она кинулась въ кресла и залилась слезами.

Дѣвушка уговаривала ее успокоиться и ободриться. Все было гошово. Черезъ полчаса Маша должна была навсегда оставишь родительскій домъ, свою комнату, тихую дѣвическую жизнь На дворѣ была метель; вѣтеръ вылъ, снѣжки шряслися и сплучали; все казалось ей угрозой и печальнымъ предзнаменованіемъ. Скоро въ домѣ все упихло и заснуло. Маша окупалась шалью, надѣла тепльй капонгъ, взяла въ руки шкапулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Онѣ сошли въ садъ. Метель не упихла; вѣтеръ дулъ навспрѣчу, какъ будшо слясь оспановишь молодую преспуницу. Онѣ насилу дошли до конца сада. На дорогѣ сани дождались ихъ. Лошади, прозябнувъ, не спояли на мѣспѣ; кучерь Владиміра разхаживалъ передъ оглоблями, удер-

живая репивыхъ. Онъ помогъ барышнѣ и ея дѣвушкѣ усѣспься и уложишь узлы и шкапулку, взялъ возжи, и лошади полешѣли. Поручивъ барышню попеченію судьбы и искусству Терешки кучера, обратимся къ молодому нашему любовнику.

Цѣлый день Владиміръ былъ въ разъѣздѣ. Утромъ былъ онъ у Жадринскаго священника; насиду съ нимъ уговорился; попомъ поѣхалъ искашь свидѣтелей между сосѣдними помѣщиками. Первый, къ кому явился онъ, опсшавной сорокалѣтній Корнещъ Дравинъ, согласился съ охотою. Это приключеніе, увѣрялъ онъ, напоминало ему прежнее время и гусарскія проказы. Онъ уговорилъ Владиміра опшанься у него опобѣдашь, и увѣрилъ его, что за другими двумя свидѣтелями дѣло не спанспгъ. Въ самомъ дѣлѣ, пошчасъ послѣ обѣда

явились землемѣръ Шмицъ въ усахъ и шпорахъ, и сынъ Капипанъ-Исправника, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, недавно поступившій въ Улань. Они не только приняли предложеніе Владиміра, но даже клялись ему въ гопповности жерпивовашъ для него жизнию. Владиміръ обнялъ ихъ съ воспоргомъ, и поѣхалъ домой пригосовляшьяся.

Уже давно смеркалось. Онъ отправилъ своего надежнаго Терешку въ Ненарадово съ своею пройкою и съ подробнымъ, обстояпельнымъ наказомъ, а для себя велѣлъ заложить маленькія сани въ одну лошадь, и одинъ безъ кучера отправился въ Жадрино, куда часа черезъ два должна была пріѣхать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а ѣзды всего двадцать минушь.

Но едва Владиміръ выѣхалъ за околицу въ поле, какъ поднялся вѣтеръ и сдѣлалась такая метель, что онъ ничего не увидѣлъ. Въ одну минушу дорогу занесло; окрестность исчезла во мгль мушной и желповатой, сквозь копорую лепѣли бѣлые хлопья снѣгу; небо слилось съ землею; Владиміръ очутился въ полѣ и напрасно хошѣлъ снова попасть на дорогу; лошадь спунала наудачу и поминутно по взвѣзжала на сугробъ, по проваливалась въ яму; сани поминутно опрокидывались; Владиміръ старался только не поперячь насшоящаго направленія. Но ему казалось, что уже прошло болѣе получаса, а онъ не доѣзжалъ еще до Жадриной роци. Прошло еще около десяти минутъ; роци все было не видать. Владиміръ ѣхалъ полемъ, пересѣченнымъ глубокими оврагами. Метель

не упихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала ушавашь, а съ него пощъ кашился градомъ, не смошря на шо, чшо онъ поминушно былъ по поясъ въ снѣгу.

Наконецъ онъ увидѣлъ, чшо ѣдешъ не въ шу спорону. Владиміръ оспановился: началъ думашь, припоминашь, соображашь, и увѣрился, чшо должно было взять ему вправо. Онъ поѣхалъ вправо. Лошадь его чупъ спупала. Уже болъе часа былъ онъ въ дорогѣ. Жадрино должно было бышь недалеко. Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а полю не было конца. Все сугробы, да овраги; поминушно сани опрокидывались, поминушно онъ ихъ поднималъ. Время шло; Владиміръ начиналъ сильно беспокоишься.

Наконецъ въ споронѣ чшо-шо спало черишь. Владиміръ поворошилъ шуда. Приближаясь, увидѣлъ

онъ рощу. Слава Богу, подумалъ онъ, шеперь близко. Онъ поѣхалъ около рощи, надѣясь пошчасъ попасшь на знакомую дорогу или объѣхавъ рощу кругомъ: Жадрино находилось пошчасъ за нею. Скоро нашелъ онъ дорогу, и въѣхалъ во мракъ деревъ, обнаженныхъ зимою. Въперъ не могъ шупъ свирѣпспивовашъ; дорога была гладкая; лошадь ободрилась и Владиміръ успокоился.

Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а Жадрина было не видашь; рощъ не было конца. Владиміръ съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ заѣхалъ въ незнакомый лѣсъ. Опчаяніе овладѣло имъ. Онъ ударилъ по лошади; бѣдное живошное пошло было рысью, но скоро спало приспавашь и черезъ четвершь часа пошло шагомъ, не смопря на всѣ усилія несчастнаго Владиміра.

Мало по малу деревья начали рѣдѣть, и Владиміръ выѣхалъ изъ лѣсу; Жадрина было не видать: Должно было бытъ около полуночи. Слезы брызнули изъ глазъ его; онъ поѣхалъ на удачу. Погода утихла, тучи разошлись, передъ нимъ лежала равнина, успанная бѣлымъ волнистымъ ковромъ. Ночь была довольно ясна. Онъ увидѣлъ невдалекѣ деревушку, состоящую изъ чепырехъ или пяти дворовъ. Владиміръ поѣхалъ къ ней. У первой избушки онъ выпрыгнулъ изъ саней, подбѣжалъ къ окну и спалъ спучался. Черезъ нѣсколько минулъ деревянный спавень поднялся и шарикъ высунулъ свою сѣдую бороду. «Что те надо?» — «Далеко ли Жадрино?» — «Жадрино-то далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недалече; верстъ десятокъ будетъ.» При ссмѣ ошвѣщѣ Владиміръ схватилъ себя за

волосы и оспался недвижимъ, какъ человекъ, приговоренный къ смерти.

«А опколъ пы?» продолжалъ спарикъ. Владиміръ не имѣлъ духа опвѣчать на вопросы. «Можешь ли пы, спарикъ, сказать онъ, доспашь мнѣ лошадей до Жадрина?» — «Каки у насъ лошади,» опвѣчалъ мужикъ. — «Да не могу ли взять хопъ проводника? Я заплачу, сколько ему будетъ угодно.» — «Поспой, сказалъ спарикъ, опуская спавень, я те сына вышлю; онъ те проводитъ.» Владиміръ спалъ дожидаться. Не прошло минушы, онъ опять началъ спучаться. Спавень поднялся, борода показалаь. «Что те надо?» — «Что жъ пвой сынъ?» — «Сей часъ выдепъ, обуваешся. Али пы прозябъ? взойди погрѣпъся» — «Благодарю, высылай скорѣ сына.»

Воропа заскрыпѣли; парень вышелъ съ дубиною, и пошелъ впередъ, по

указывая, по опыскивая дорогу, занесенную свѣговыми сугробами. «Который часъ?» спросилъ его Владиміръ. «Да ужъ скоро разсвѣнесть,» отвѣчалъ молодой мужикъ. Владиміръ не говорилъ уже ни слова.

Пѣли пѣснухи и было уже свѣшло, какъ достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владиміръ заплашилъ проводнику и поѣхалъ на дворъ къ священнику. На дворъ пройрки его не было. Какое извѣстіе ожидало его!

Но возвратимся къ добрымъ Ненаеровскимъ помѣщикамъ и посмотримъ, что-то у нихъ дѣлается.

А ничего.

Спарики проснулись и вышли въ гостиную, Гаврила Гавриловичъ въ колпакъ и байковой куршкѣ, Прасковья Петровна въ шлафрокъ на вашѣ. Подали самоваръ, и Гаврила

Гавриловичъ послалъ дѣвчонку узнать опъ Марьи Гавриловны, каково ея здоровье и какъ она почивала. Дѣвчонка ворошилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче, и что она-де сей часъ придетъ въ госпиную. Въ самомъ дѣлѣ, дверь отворилась и Марья Гавриловна подошла здороваясь съ папенькой и съ маменькой.

« Чпо швоя голова, Маша ? » спросилъ Гаврила Гавриловичъ. — « Лучше, папенька, » отвѣчала Маша. — « Ты върпо, Маша, вчерась угорѣла, » сказала Прасковья Пепровна. — « Можешь бышь, маменька, » отвѣчала Маша.

День прошелъ благополучно, но въ ночь Маша занемогла. Послали въ городъ за лѣкаремъ. Онъ прѣхалъ къ вечеру и нашелъ больную въ бреду. Открылась сильная горячка, и бѣд-

ная больная двѣ недѣли находилась у края гроба.

Никто въ домѣ не зналъ о предположенномъ побѣгѣ. Письма, на канунѣ ею написанныя, были сожжены; ея горничная никому ни о чемъ не говорила, опасаясь гнѣва господѣ. Священникъ, опсшавной корнешъ, усашый землемѣръ и миленькой Уланъ были скромны, и не даромъ. Терешка кучеръ никогда ничего лишняго не высказывалъ, даже и въ хмѣлю. Такимъ образомъ шайна была сохранена болѣе, чѣмъ полудюжиною заговорщиковъ. Но Марія Гавриловна сама, въ безпрестаниомъ бреду, высказывала свою шайну. Однакожь ея слова были споль несообразны ни съ чѣмъ, что машь, не отходившая отъ ея постели, могла поняшь изъ нихъ только то, что дочь ея была смертельно вълюблена во Владиміра Ни-

комаевича, и что вѣроятно любовь была причиною ея болѣзни. Она совѣщовалась со своимъ мужемъ, съ нѣкошорыми сосѣдами, и наконецъ единогласно всѣ рѣшили, что видно шакова была судьба Марьи Гавриловны, что суженаго конемъ не объѣдешь, что бѣднось не порокъ, что жизнь не съ богатствомъ, а съ человекомъ, и тому подобное. Нравственные поговорки бывають удивительно полезны въ шѣхъ случаяхъ, когда мы ошъ себя мало что можемъ выдумать себѣ въ оправданіе.

Между шѣмъ барышня спала выздоравливать. Владимира давно не видно было въ домѣ Гаврилы Гавриловича. Онъ былъ напуганъ обыкновеннымъ пріемомъ. Положили послать за нимъ и объявить ему неожиданное щасіе : согласіе на бракъ. Но каково было изумленіе Ненародовскихъ помѣ-

щиковъ, когда въ опѣвшѣ на ихъ приглашеніе получили они опъ него полусумасшедшее письмо! Онъ объявлялъ имъ, что нога его не будетъ никогда въ ихъ домъ, и просилъ забыть о несчастномъ, для котораго смерть оспашеся единою надеждою. Черезъ нѣсколько дней узнали они, что Владиміръ уѣхалъ въ армію. Это было въ 1812 году.

Долго не смѣли объявить объ этомъ выздоравливающей Машѣ. Она никогда не упоминала о Владиміръ. Нѣсколько мѣсяцевъ уже спустя, нашедъ имя его въ числѣ опличившихся и тяжело раненыхъ подъ Бородинымъ, она упала въ обморокъ и боялась, что объ горячка ея не возвратилась. Однако, слава Богу, обморокъ не имѣлъ послѣдствій.

Другая печаль ее постигла: Гаврила Гавриловичъ скончался, оспа-

ва ее наслѣдницей всего имѣнія. Но наслѣдство не упѣшало ея; она раздѣляла искренно горестъ бѣдной Прасковьи Пепровны, клялась никогда съ нею не разскавашься; объ оныѣ оставили Ненародово, мѣсто печальныхъ воспоминаній, и поѣхали жить въ ***ское помѣстье.

Женихи кружились и шупъ около милой и богатой невѣсты; но она никому не подавала и малѣйшей надежды. Машъ иногда уговаривала ее выбратъ себѣ друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владиміръ уже не существовалъ: онъ умеръ въ Москвѣ, наканунѣ всшупленія Французовъ. Память его казалась священной для Маши; по крайней мѣрѣ она берегла все, что могло его напомнить: книги, имъ нѣкогда прочитанныя, его рисунки, ноты и стихи, имъ переписанные

для нея. Сосѣды, узнавъ обо всемъ, дивились ея посщанію и съ любопытствомъ ожидали Героя, долженствовавшаго наконецъ воспоржествовать надъ печальной вѣрностію эпой дѣвственной Арпемизы.

Между тѣмъ война со славою была кончена. Полки наши возвращались изъ-за границы. Народъ бѣжалъ имъ навстрѣчу. Музыка играла завосванные пѣсни: *Vive Henri-Quatre*, Тирольскіе вальсы и аріи изъ Жюконда. Офицеры, ушедшіе въ походъ почти опроками, возвращались, возмужавъ на бранномъ воздухѣ, обвѣщенные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмѣшивая поминутно въ рѣчь Нѣмецкія и Французскія слова. Время незабвенное! Время славы и воспорага! Какъ сильно билось Русское сердце при словѣ Опечесво! Какъ сладки были

слезы свиданія! Съ какимъ единодушiемъ мы соединили чувства народной гордости и любви къ Государю! А для Него, какал была минуша!

Женщины, Русскія женщины были тогда безподобны. Обыкновенная холодность ихъ исчезла. Воспоргъ ихъ былъ испинно упоишелень, когда, вспрѣчая побѣдишелей, кричали онъ: ура!

И въ воздухъ чепчики бросали.

Кшо изъ тогдашнихъ Офицеровъ не сознается, что Русской женщины обязанъ онъ былъ лучшей, драгоценнѣйшей наградой? . . .

Въ эшо блистательное время Марья Гавриловна жила съ маперью въ*** Губернiи, и не видала, какъ обшполицы праздновали возвращенiе войскъ. Но въ уѣздахъ и деревняхъ общiй воспоргъ, моженъ бышь, былъ еще сильнѣе. Появленiе въ

сихъ мѣспахъ офицера было для него наспоющимъ шоржеспвомъ, и любовнику во фракъ плохо было въ его сосѣдствѣ.

Мы уже сказывали, что, не смотря на ея холодность, Марья Гавриловна все попрежнему окружена была искашелями. Но всѣ должны были опспунить, когда явился въ ея замкъ раненый Гусарской Полковникъ Бурминъ, съ Георгіемъ въ перлицѣ и съ *интересной блѣдностію*, какъ говорили тамошнія барышни. Ему было около двадцати шести лѣтъ. Онъ прѣхалъ въ опспускъ въ свои помѣстья, находившіяся по сосѣдству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его оппичала. При немъ обыкновенная задумчивость ея оживлялась. Нельзя было сказать, чтообъ она съ нимъ ко-

кетничала ; но Поэпъ , замѣпя ея поведеніе , сказалъ бы :

Se amor non è, che dunque?...

Бурминъ былъ , въ самомъ дѣлѣ , очень милый молодой человекъ. Онъ имѣлъ именно тошъ умъ , кошорый нравился женщинамъ : умъ приличія и наблюденія , безо всякихъ пріязаній и безопасно насмѣшливый. Поведеніе его съ Марьей Гавриловной было просто и свободно ; но чшобъ она ни сказала или ни сдѣлала , душа и взоры его шакъ за нею и слѣдовали. Онъ казался нрава шихаго и скромнаго , но молва увѣряла , что нѣкогда былъ онъ ужаснымъ повѣсою , и эшо не вредило ему во мнѣніи Марьи Гавриловны , кошпора (какъ и всѣ молодыя дамы вообще) съ удовольствіемъ извиняла шалости , обнаруживающія смѣлосшь и пылкосшь характера.

Но болѣе всего (болѣе его нѣжности, болѣе пріятнаго разговора, болѣе инпересной блѣдности, болѣе перевязанной руки) молчаніе молодого Гусара болѣе всего подстрекало ея любопытство и воображеніе. Она не могла не сознаваться въ томъ, что она очень ему нравилась; вѣроятно и онъ, съ своимъ умомъ и опытносью, могъ уже замѣтить, что она опличала его: какимъ же образомъ до сихъ поръ не видала она его у своихъ ногъ и еще не слыхала его признанія? Что удерживало его? робость, неразлучная съ истинною любовію, гордость или кокетство хитраго волокиты? Это было для нея загадкою. Подумавъ хорошенько, она рѣшила, что робость была единственно тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностію, и смотря по об-

спояшельствамъ , даже нѣжностію . Она пріугошворяла развязку самую неожиданную и съ неперпнїемъ ожидала минушы романическаго объясненія . Тайна , какого роду ни была бы , всегда пягоспина женскому сердцу . Ея военныя дѣйствія имѣли желаемый успѣхъ : по крайней мѣрѣ , Бурминъ впалъ въ пакую задумчивость , и черные глаза его съ пакимъ огнемъ оспанавливались на Марью Гавриловнѣ , что рѣшишельная минуша , казалось , уже близка . Сосѣды говорили о свадьбѣ , какъ о дѣлѣ уже конченномъ , а добрая Прасковья Петровна радовалась , что дочь ея наконецъ нашла себѣ dospойнаго жениха .

Спаруника сидѣла однажды одна въ госпиной , раскладывал грань-пасьянсъ , какъ Бурминъ вошелъ въ комнату и пошчасъ освѣдомился о Ма-

рьѣ Гавриловнѣ, «Она въ саду, ошвѣчала спарушка; подише къ ней а я васъ буду здѣсь ожидашь.» Бурминъ пошелъ, а спарушка перекрестилась и подумала: авось дѣло сего дня же кончился!

Бурминъ нашелъ Марью Гавриловну у пруда, подѣ ивою, съ книгою въ рукахъ, и въ бѣломъ плащѣ, наспящей героинею романа. Послѣ первыхъ вопросовъ, Марья Гавриловна нарочно переспала поддерживашь разговоръ, усиливая такимъ образомъ взаимное замѣшательство, отъ кошораго можно было избавишься развѣ полько внезапнымъ и рѣшимельнымъ объясненіемъ. Такъ и случилось: Бурминъ, чувшвуя затруднительность своего положенія, объявилъ, что искалъ давно случая опкрышь сѣ свое сердце, и пошребовалъ минушы вниманія. Марья Гаври-

ловна закрыла книгу и поупила глаза въ знакъ согласія.

« Я васъ люблю, сказалъ Бурминъ, я васъ люблю спросишно. . . . » (Марья Гавриловна покраснѣла и наклонила голову еще ниже). « Я поступилъ неоспорочно, предаваясь милой привычкѣ, привычкѣ видѣть и слышать васъ ежедневно. . . . » (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St. Preux.) « Теперь уже поздно прошивишься судьбѣ моей; воспоминаніе объ васъ, вашъ милый, несравненный образъ, опнынѣ будещъ мученіемъ и опрадою жизни моей; но мнѣ еще оспаешся исполнить шяжелую обязанность, опкрышь вамъ ужасную шайну и положишь между нами непреодолимую преграду. . . . » — « Она всегда существовала, прервала съ живостію Марья Гавриловна, я никогда не могла бытиъ вашею женою. . . . » — « Знаю,

опивчалъ онъ ей тихо, знаю, что нѣкогда вы любили, но смерть и при года съшованій... Добрая, милая Марья Гавриловна! не спарайтесь лишить меня послѣдняго упышенія: мысль, что вы бы согласились сдѣлать мое счастье, если бы...» — «Молчите, ради Бога, молчите. Вы перзаеете меня.» — «Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнѣйшее созданіе... я женацъ!»

Марья Гавриловна взглянула на него съ удивленіемъ.

«Я женацъ, продолжалъ Бурминъ; я женацъ уже четвершой годъ и не знаю, бшо моя жена, и гдѣ она, и долженъ ли свидѣться съ нею когда нибудь!»

«Что вы говорите?» воскликнула Марья Гавриловна; «какъ это спран-

но! Продолжайте; я расскажу послѣ...
но продолжайте, сдѣлайте милость.»

«Въ началѣ 1812 года, сказалъ Бурминъ, я спѣшилъ въ Вильну, гдѣ находился нашъ полкъ. Прѣхавъ однажды на спанцію поздно вечеромъ, я велѣлъ-было поскорѣе закладывать лошадей, какъ вдругъ поднялась ужасная метель, и смогришель и ямщики совѣщивали мнѣ переждать. Я ихъ послушался, но неповишное безпокойство овладѣло мною; казалось, кпо - по меня такъ и полкалъ. Между тѣмъ метель не унималась; я не вытерпѣлъ, приказалъ опять закладывать и поѣхалъ въ самую бурю. Ямщику вздумалось ѣхать рѣкою, что должно было сократить намъ путь премя верстами. Берега были занесены; ямщикъ проѣхалъ мимо того мѣста, гдѣ выѣзжали на дорогу, и такимъ образомъ очути-

лись мы въ незнакомой споронѣ. Буря не утихла; я увидѣлъ огонекъ, и велѣлъ ѣхать шуда. Мы прѣехали въ деревню; въ деревянной церкви былъ огонь. Церковь была опворена, за оградой спояло нѣсколько саней; по паперши ходили люди. «Сюда! сюда!» закричало нѣсколько голосовъ. Я велѣлъ ямщику подѣхать. «Помилуй, гдѣ ты замѣшкался?» сказалъ мнѣ кто-то; «невѣсна въ обморокѣ; полъ не знаетъ, что дѣлать; мы гошovy были ѣхать назадъ. Выходи же скорѣе.» Я молча выпрыгнулъ изъ саней и вошелъ въ церковь, слабо освѣщенную двумя или тремя свѣчами. Дѣвушка сидѣла на лавочкѣ въ темномъ углу церкви; другая перла ей виски. «Слава Богу, сказала эпа, насиду вы прѣехали. Чуть-было вы барышню не уморили.» Старый священникъ подошелъ ко

мнѣ съ вопросомъ: « Прикажете начинать ? »—« Начинайше, начинайше, башюшка, » ошвѣчалъ я разсѣянно. Дѣвушку подняли. Она показалась мнѣ не дурна... Непонятная, непроспишительная въпреносъ... я спалъ подлѣ нея передъ налоемъ; священникъ шоропился; прое мушци и горничная поддерживали невѣсту и заняты были шолько ею. Насъ обвѣнчали. « Поцалуйшесь, » сказали намъ. Жена моя обратила ко мнѣ блѣдное свое лице. Я хотѣлъ было ее поцаловать... Она вскрикнула: « Ай, не онъ! не онъ! » и упала безъ памяти. Свидѣтели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышелъ изъ церкви безо всякаго преняшствія, бросился въ кибитку и закричалъ: пошелъ!

« Боже мой! » закричала Марья Гавриловна;» и вы не знаете, что сдѣлалось съ блѣдною вашею женою? »

« Не знаю, отвѣчалъ Бурминъ; не знаю, какъ зовуть деревню, гдѣ я вѣнчался; не помню, съ копорой спанціи поѣхалъ. Въ то время я такъ мало полагалъ важности въ пресупной моей проказѣ, что, отвѣхавъ отъ церкви, заснулъ, и проснулся на другой день поутру, на прешней уже спанціи. Слуга, бывшій тогда со мною, умеръ въ походѣ, такъ, что я не имѣю и надежды опыскашь ту, надъ копорой подшунилъ я такъ жестоко, и копорая теперь такъ жестоко опомщена. »

« Боже мой, Боже мой! » сказала Марья Гавриловна, схвативъ его руку; « такъ это были вы! И вы не узнаете меня? »

Бурминъ поблѣднѣлъ... и бросился къ ея ногамъ...

ГРОБОВЩИКЪ.

ГРОВОЩИКЪ.

Не зримъ ли каждый день гробовъ,
Съдннъ дряхляющей вселенной?

Державинъ.

Последніе пожизки гробовщика Адриана Прохорова были взвалены на похоронныя дроги, и шочая пара въ четвертый разъ пошацилась съ Басманной на Никишевскую, куда гробовщикъ переселялся всѣмъ своимъ домоюъ. Заперевъ лавку, прибилъ онъ къ ворошамъ объявленіе о помъ, что

*

домъ продается и опдается внаймы, и пѣшкомъ опправился на новоселье. Приближаясь къ желшому домику, такъ давно соблазнявшему его воображеніе и наконецъ купленному имъ за порядочную сумму, спарый гробовщикъ чувспвовалъ съ удивленіемъ, что сердце его не радовалось. Переспунивъ за незнакомый порогъ и нашедъ въ новомъ своемъ жилищѣ сумашоу, онъ вздохнулъ о вешхой лачужкѣ, гдѣ въ печеніи осьмнадцати лѣтъ все было заведено самымъ спрогимъ порядкомъ; спалъ бранишь обѣихъ своихъ дочерей и работницу за ихъ медленность, и самъ привлялся имъ помогашь. Вскорѣ порядокъ успановился; кивонъ съ образами, шкапъ съ посудою, споль, диванъ и кровать заняли имъ опредѣленные углы въ задней комнашѣ; въ кухни и гощиной помѣспились издѣлія хо-

зяина : гробы всѣхъ цвѣшовъ и всякаго размѣра , пакже шапы съ праурными шляпами , маншіями и факелами . Надъ воропами возвысилась вывѣска , изображающая дороднаго Амура съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ , съ подписью : « здѣсь продаюся и обитаюся гробы проспые и крашеные , пакже опдаюся на прокатъ и починаюся спарые . » Дѣвушки ушли въ свою свѣшлицу , Адрианъ обошелъ свое жилище , сѣлъ у окошка и приказалъ гоповишь самоваръ .

Просвѣщенный чипашель вѣдаешъ , что Шекспиръ и Вальперъ Скопшъ оба предспавили своихъ гробокопателей людьми веселыми и шушливыми , дабы сей прошивоположностію сильнѣе поразилъ наше воображеніе . Изъ уваженія къ испинѣ мы не можемъ слѣдовать ихъ примѣру , и принуждены признашся , что нравъ

нашего гробовщика совершенно сооп-
вѣтствовало мрачному его ремеслу.
Адрианъ Прохоровъ обыкновенно былъ
угрюмъ и задумчивъ. Онъ разрѣшалъ
молчаніе развѣ только для того,
чтобъ журишь своихъ дочерей, ко-
гда заспавалъ ихъ безъ дѣла глазю-
щихъ въ окно на прохожихъ, или
чтобъ запрашивать за свои произве-
денія преувеличенную цѣну у тѣхъ,
которыя имѣли нещасіе (а иногда
и удовольствіе) въ нихъ нуждашься.
И такъ Адрианъ, сидя подь окномъ,
и выпивая седьмую чашку чаю, по
своему обыкновенію былъ погруженъ
въ печальныя размышленія. Онъ ду-
малъ о проливномъ дождѣ, который,
за недѣлю тому назадъ, встрѣтилъ
у самой заспавы похороны опснав-
наго Бригадира. Многія маніи опъ
того съузились, многія шляпы по-
коробились. Онъ предвидѣлъ неми-

нуемые расходы, ибо давній запасъ гробовыхъ нарядовъ приходилъ у него въ жалкое соспояніе. Онъ надѣялся вымѣснить убытокъ на спарой купчихъ Трюхиной, которая уже около года находилась при смерти. Но Трюхина умирала на Разгуляѣ, и Прохоровъ боялся, чпобъ ея наследники, не смотря на свое обѣщаніе, не погѣвнлись послапъ за нимъ въ такую даль и не спорговались бы съ ближайшимъ подрядчикомъ.

Сии размышленія были прерваны нечаянно према фран-масонскими ударами въ дверь. «Кто тамъ?» спросилъ гробовщикъ. Дверь отворилась, и человекъ, въ которомъ съ перваго взгляду можно было узнать Нѣмца ремесленника, вошелъ въ комнату, и съ веселымъ видомъ приблизился къ гробовщику. «Извините, любез-

ный сосѣдъ,» сказалъ онъ шѣмъ Русскимъ нарѣчіемъ, кошорое мы безъ смѣха доньнѣ слышашъ не можемъ, «извините, что я вамъ помѣшалъ.... я желалъ поскорѣе съ вами познакомиться. Я сапожникъ, имя мое Гоплибъ Шульцъ, и живу онѣ васъ черезъ улицу, въ эшомъ домикѣ, что прошивъ вашихъ оконекъ. Завпра праздную мою серебряную свадьбу, и я прошу васъ и вашихъ дочекъ опобѣдать у меня попріятельски.» Приглашеніе было благосклонно принято. Гробовщикъ просилъ сапожника садиться и выкушашъ чашку чаю, и благодаря опкрытому нраву Гоплиба Шульца, вскорѣ они разговорились дружелюбно. «Каково поргуеетъ ваша милосшь?» спросилъ Адріанъ. — «Э хе хе,» опвѣчалъ Шульцъ, «и такъ и сякъ. Пожаловашъся не могу. Хошь конечно мой поваръ не то,

что вашъ: живой безъ сапогъ обойдется, а мертвый безъ гроба не живешь.» — « Сущая правда, » замѣнилъ Адрианъ; «однако жъ, если живому не на что купишь сапогъ, то, не прогнивайся, ходишь онъ и босой; а нищій мертвецъ и даромъ беретъ себѣ гробъ.» Такимъ образомъ бесѣда продолжалась у нихъ еще нѣсколько времени; наконецъ сапожникъ вспалъ и проспился съ гробовщикомъ, возобновляя свое приглашеніе.

На другой день, ровно въ двѣнадцать часовъ, гробовщикъ и его дочери вышли изъ калишки новокупленного дома, и отправились къ сосѣду. Не спану описывать ни Русскаго кафшана Адріана Прохорова, ни Европейскаго наряда Акулины и Дарьи, опсшупая въ семь случаѣ опъ обычая, принятаго нынѣшними Романиспами. Полагаю, однакожъ,

не излишнимъ замѣнить, что обѣ дѣвицы надѣли желтые шляпки и красные башмаки, что бывало у нихъ только въ торжественные случаи.

Тѣсная кварширка сапожника была наполнена госпиями, большею часпію Нѣмцами ремесленниками, съ ихъ женами и подмасперьями. Изъ Русскихъ чиновниковъ былъ одинъ будочникъ, Чухонецъ Юрко, умѣвшій пріобрѣсти, не смотря на свое смиренное званіе, особенную благосклонность хозяина. Лѣтъ двадцать пять служилъ онъ въ семь званій вѣрой и правдою, какъ почпаліонъ Погорѣльскаго. Пожаръ двѣнадцатаго года, уничтоживъ первопрестольную спозицу, испребилъ и его желтую будку. Но потчасъ, по изгнаніи врага, на ея мѣстѣ явилась новая, сѣренькая съ бѣлыми колонками До-

рическаго ордена, и Юрко спалъ опять расхаживать около нея съ *стыкирой* и съ *бронь сермяжной*. Онъ былъ знакомъ большей части Нѣмцевъ, живущихъ около Никипскихъ ворошъ: инымъ изъ нихъ случалось даже ночевать у Юрки съ Воскресенья на Понедѣльникъ. Адрианъ пошчасъ познакомился съ нимъ, какъ съ человекомъ, въ которомъ рано или поздно можетъ случиться имѣть нужду, и какъ госпи пошли за сполъ, шо они сѣли вмѣстѣ. Господинъ и Госпожа Шульцъ и дочка ихъ, семнадцати-лѣшняя Лопхень, обѣдая съ госпиями всѣ вмѣстѣ, угощали и помогали кухаркѣ служить. Пиво лилось. Юрко ѣлъ зачепверыхъ; Адрианъ ему не успуналъ; дочери его чинились; разговоръ на Нѣмецкомъ языкѣ часъ опть часу дѣлался шумнѣе. Вдругъ хозяинъ попре-

бовалъ вниманія, и опкупоривая за-
смоленую бушылку, громко произ-
несъ порусски: « За здоровье моеѣ
доброй Луизы ! » Полушампанское за-
пѣнилось. Хозяинъ нѣжно поцаловалъ
свѣжее лице сорокалѣтней своей по-
други, и госпи шумно выпили здо-
ровье доброй Луизы. « За здоровье лю-
безныхъ госпей моихъ ! » провозгласилъ
хозяинъ, опкупоривая вшорую бу-
шылку — и госпи благодарили его,
осушая вновь свои рюмки. Тупъ на-
чали здоровья слѣдовать одно за дру-
гимъ : пили здоровье каждаго госпия
особливо, пили здоровье Москвы и
цѣлой дюжины Германскихъ город-
ковъ, пили здоровье всѣхъ цѣховъ
вообще и каждаго въ особенноти,
пили здоровье масперовъ и подмаспе-
рьевъ. Адрианъ пилъ съ усердіемъ, и
до того развеселился, что самъ
предложилъ какой-то шупливый

поспѣ. Вдругъ одинъ изъ госпей, полской булочникъ, поднялъ рюмку и воскликнулъ: «За здоровье шѣхъ, на которыхъ мы работаемъ, *unserer Kundente!*» Предложеніе, какъ и всѣ, было принято радостно и единодушно. Госпи начали другъ другу кланяться, порпной сапожнику, сапожникъ порпному, булочникъ имъ обоимъ, всѣ булочнику, и такъ далѣе. Юрко, посреди сихъ взаимныхъ поклоновъ, закричалъ, обратясь къ своему сосѣду: «Что же? пей, башюшка, за здоровье своихъ мертвецевъ.» Всѣ захохотали, но гробовщикъ почелъ себя обиженнымъ и нахмурился. Никто того не замѣпилъ, госпи продолжали пить, и уже благовѣспили къ вечернѣ, когда вспали изъ за спюла.

Госпи разошлись поздно, и по большей частии навеселѣ. Толской

булочникъ и переплетчикъ, коего лице казалось въ красненькомъ сафьянномъ переплетѣ, подруки опивели Юрку въ его будку, наблюдая, въ семь случаевъ, Русскую пословицу: долгъ плашежемъ красенъ. Гробовщикъ пришелъ домой пьянъ и сердитъ. «Чтожь это, въ самомъ дѣлѣ, разсуждалъ онъ вслухъ, чѣмъ ремесло мое нечеснѣе прочихъ? развѣ гробовщикъ бранитъ палачу? чему смѣюся басурмане? развѣ гробовщикъ газръ свяпочный? Хотѣлось было мнѣ позвать ихъ на новоселье, задать имъ пиръ горой; инѣ не бывашъ же тому! А созову я ихъ, на кошорыхъ работаю: мершвцевъ православныхъ.» — «Что ты, башюшка?» сказала работница, кошора въ это время разувала его; «что ты это городишь? Перекрестись! Созывашъ мершвхъ на новоселье! Экая

спрасшь!»—«Ей Богу, созову,» продолжалъ Адріанъ, «и на завшрашній же день. Милоспи просимъ, мои благодѣтели, завшра вечеромъ у меня попиравашъ; угощу, чѣмъ Богъ посламъ.» Съ-эшимъ словомъ гробовщикъ опсправился на кровашъ и вскорѣ захрапѣлъ.

На дворѣ было еще шемно, какъ Адріана разбудили. Купчиха Трюхина скончалась въ эту самую ночь, и нарочный, опъ ея прикащика, прискакалъ къ Адріану верхомъ съ эшимъ извѣспіемъ. Гробовщикъ далъ ему за шо гривенникъ на водку, одѣлся на скоро, взялъ извощика и повѣхалъ на Разгулай. У ворошъ покойницы уже спстояла полиція, и расхаживали купцы, какъ вороны, почуя мершвое шѣло. Покойница лежала на споль; желпная какъ воскъ, но еще не обезображенная шлѣніемъ. Около нея шѣ-

снились родспвенники, сосѣды и домашніе. Всѣ окна были опкрышы; свѣчи горѣли; священники чинали молишвы. Адріанъ подошелъ къ племяннику Трюхиной, молодому купчику въ модномъ сершукѣ, объявляя ему, что гробъ, свѣчи, покровъ и другія похоронныя принадлежности потчасъ будутъ ему доставлены во всей исправности. Наслѣдникъ благодарилъ его разсѣянно, сказавъ, что о цѣнѣ онъ не поргуется, а во всемъ полагается на его совѣсть. Гробовщикъ, по обыкновенію своему, побожился, что лишняго не возьметъ; значительнымъ взглядомъ обмѣнялся съ прикащикомъ, и поѣхалъ хлопотать. Цѣлый день разъѣзжалъ съ Разгуляя къ Никипскимъ воротамъ и обратно; къ вечеру все сладилъ, и пошелъ домой пѣшкомъ, опустивъ своего извощика. Ночь была

лунная. Гробовщикъ благополучно дошелъ до Никипскихъ воровъ. У Вознесенія окликалъ его знакомецъ нашъ Юрко, и узнавъ гробовщика, пожелалъ ему доброй ночи. Было поздно. Гробовщикъ подходилъ уже къ своему дому, какъ вдругъ показалось ему, что кто-то подошелъ къ его воровамъ, опворилъ калишку, и въ нее скрылся. «Что бы это значило? подумалъ Адрианъ. Кому опять до меня нужда? Ужъ не воръ ли ко мнѣ забрался? Не ходятъ ли любовники къ моимъ дурамъ? Чего добраго!» И гробовщикъ думалъ уже кликнуть себѣ на помощь пріятеля своего Юрку. Въ эту минушу кто-то еще приблизился къ калишкѣ и собирался войти, но увидя бѣгущаго хозяина, остановился, и снялъ преугольную шляпу. Адриану лице его показалось знакомо, но впрочемъ не

успѣлъ онъ порядочно его разглядѣть. « Вы пожаловали ко мнѣ, » сказалъ запыхавшись Адрианъ; « войдите же, сдѣлайте милость. » — « Не церемонься, бабюшка, » оповѣчалъ пошль глухо; « спупай себѣ впередъ; указывай госпямъ дорогу! » Адриану и некогда было церемониться. Калипка была опперша, онъ пошелъ на лѣспиницу, и пошль за нимъ. Адриану показалось, что по комнапамъ его ходящъ люди. « Что за дьявольщина! » подумалъ онъ, и спѣшилъ войти. . . . шупъ ноги его подкосились. Комнапа полна была мершвецами. Луна сквозь окна освѣщала ихъ желшья и синія лица, ввалившіеся ршы, мушныя, полузакрышыя глаза и высунувшіеся носы. . . . Адрианъ съ ужасомъ узналъ въ нихъ людей, погребенныхъ его спараніями, и въ госпѣ, съ нимъ вмѣстѣ вошедшемъ,

Бригадира, похороненнаго во время проливнаго дождя. Всѣ они, дамы и мужчины, окружили гробовщика съ поклонами и привѣщешвіями, кромѣ одного бѣдняка, недавно даромъ похороненнаго, который, совѣспясь и спыдясь своего рублища, не приближался, и споялъ смиренно въ углу. Прочіе всѣ одѣшы были благопристойно: покойницы въ чепцахъ и денпахъ, мершвецы чиновные въ мундирахъ, но съ бородами небрипыми, купцы въ праздничныхъ кафшанахъ. «Видишь ли, Прохоровъ,» сказалъ Бригадиръ опшъ имени всей честной компаніи; «всѣ мы поднялись на швое приглашеніе; оспались дома шолько шѣ, которымъ уже не въ мочь, которые совсѣмъ развалились, да у кого оспались однѣ коспи безъ кожи, но и шущѣ одинѣ не ушерпѣлъ — шакъ хопѣлось ему побы-

вашь у шебя. . . .» Въ эту минушу, маменькой скелешъ продрался сквозь толпу, и приблизился къ Адриану. Черепъ его ласково улыбался гробовщику. Клочки свѣтлозеленаго и краснаго сукна и вѣпхой холстины кой-гдѣ висѣли на немъ, какъ на шестѣ, а кости ногъ бились въ большихъ башфоршахъ, какъ песики въ спугахъ. «Ты не узналъ меня, Прохоровъ,» сказалъ скелешъ. «Помнишь ли опсавнаго сержанта гвардіи Петра Петровича Курилкина, того самаго, кошорому, въ 1799 году, ты продалъ первый свой гробъ — и еще сосновый за дубовый?» Съ симъ словомъ мершвецъ просперъ сму косяныя объяпія — но Адрианъ, собравшись съ силами, закричалъ, и опшолкнулъ его. Пешръ Петровичъ пошашнулся, упалъ и весь разсыпался. Между мершвецами поднялся

ропощъ негодованія; всѣ вспутились за честь своего товарища, приспали къ Адриану съ бранью и угрозами, и бѣдный хозяинъ, оглушенный ихъ крикомъ, и почти задавленный, поперялъ присупсшвіе духа, самъ упалъ на кости опспавнаго сержанта гвардіи и лишился чувствъ.

Солнце давно уже освѣщало поспелю, на копорой лежалъ гробовщикъ. Наконецъ открылъ онъ глаза и увидѣлъ передъ собою работницу, раздувающую самоваръ. Съ ужасомъ вспомнилъ Адрианъ всѣ вчерашніи происшесшвія. Трюхина, Бригадиръ и сержантъ Курилкинъ смупно предспавились его воображенію. Онъ молча ожидалъ, чшобъ работница начала съ нимъ разговоръ, и объявила о послѣдспвіяхъ ночныхъ приключеній.

«Какъ ты заспался, бабюшка, Адрианъ Прохоровичъ,» сказала Акси́ня, подавая ему халаптъ. «Къ тебѣ заходилъ сосѣдъ поршней, и здѣшній будочникъ забѣгалъ съ объявленіемъ, что сегодня Часпный иманиникъ, да ты изволилъ почивашь, и мы не кошѣли тебѣ разбудить.»

— «А приходили ко мнѣ опгъ покойницы Трюхиной?»

«Покойницы? Да развѣ она умерла?»

— «Эка дура! Да не ты ли пособляла мнѣ вчера улаживашь ея похороны?»

«Что ты, бабюшка, не съ ума ли спяшилъ, али хмѣль вчерашній еще у ты не прошелъ? Какіи были вчера похороны? Ты цѣлый день пировалъ у Нѣмца, воропился пьянъ, завалился въ постелю, да и спалъ до сего часа, какъ ужъ къ обѣднѣ опблаговѣспили.»

— « Ой ли ! » сказалъ обрадованный гробовщикъ.

« Въспримо шакъ, » ошвѣчала рабшница.

— « Ну, коли шакъ, давай скорѣ чаю, да позови дочерей. »

СТАНЦИОННЫЙ
СМОТРИТЕЛЬ.

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ.

Коллежскій Регистраторъ
Почтовой станціи диспашоръ.

Князь Вяземскій.

Кто не проклиналъ станціонныхъ
смошрищелей, кто съ ними не бра-
нивался? Кто, въ минуцу гнѣва, не
требовалъ отъ нихъ роковой книги,
дабы вписашь въ оную свою беспо-
лезную жалобу на припѣсненіе, гру-
бость и неисправность? Кто не по-
чищашеть ихъ извергами человѣческаго
рода, равными покойнымъ подъячимъ

*

или, по крайней мѣрѣ, Муромскимъ разбойникамъ? Будемъ однако справедливы, постараемся войти въ ихъ положеніе, и можемъ быть, спанемъ судить объ нихъ гораздо снисходительнѣе. Что такое станціонный смотритель? Сущій мученикъ четырнадцатаго класса, огражденный своимъ чиномъ поклономъ отъ побоевъ, и по не всегда (ссылаюсь на совесть моихъ чинашелей). Какова должность сего дикшапора, какъ называютъ его шушливо Князь Вяземскій? Не настоящая ли капорга? Покой ни днемъ, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной ѣзды, путешественникъ вымѣщаетъ на смотрителя. Погода несносная, дорога скверная, ямщикъ упрямый, лошади не везуть — а виноватъ смотритель. Входя въ бѣдное его жилище, проезжающій смотритъ на

него, какъ на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавишься опъ непрошенанаго гостя; но если не случишься лошадей? ... Боже! какія ругательства, какія угрозы посыплются на его голову! Въ дождь и слякоть принужденъ онъ бѣгать по дворамъ; въ бурю, въ Крещенской морозъ уходишь онъ въ сѣни, чшобъ только на минушку опдохнуть опъ крика и пощчковъ раздраженнаго пошпояльца. Прѣзжаетъ Генераль; дрожащій смошришель опдаетъ ему двѣ послѣднѣя пройки, въ шомъ числѣ курьерскую. Генераль ѣдетъ, не сказавъ ему спасибо. Черезъ пять минутъ — колокольчикъ! ... и фельдъегерь бросаетъ ему на спюль свою подорожную! ... Вникнемъ во все это хорошенько, и вмѣсто негодованія, сердце наше исполнишь искреннимъ состраданіемъ. Еще нѣ-

сколько словъ: въ печеніи двадцати лѣтъ сряду, изѣздивъ я Россію по всѣмъ направленіямъ; почти всѣ почтовые практы мнѣ извѣсны; нѣсколько поколѣній ямщиковъ мнѣ знакомы; рѣдкаго смоприселя не знаю я въ лицѣ, съ рѣдкимъ не имѣлъ я дѣла; любопытный запасъ пушечныхъ моихъ наблюденій надѣюсь издашь въ непродолжительномъ времени; покаместъ скажу только, что сословіе спанціонныхъ смоприселей представлено общему мнѣнію въ самомъ ложномъ видѣ. Сии спомѣ оклеветанные смоприсели вообще суть люди мирные, отъ природы услужливые, склонные къ общежитію, скромные въ приязаніяхъ на почести и не слишкомъ сребролюбивые. Изъ ихъ разговоровъ (кои нехотятъ пренебрегатьъ господъ проезжающихъ) можно почерпнуть много лю-

большаго и поучительнаго. Чшо касаеться до меня, шо, признаюсь, я предпочипаю ихъ бесѣду рѣчамъ какаго нибудь. чиновника 6-го класса, слѣдующаго по казенной надобности.

Легко можно догадаться, чшо еспь у меня пріятели изъ почтеннаго словія смопришелей. Въ самомъ дѣлѣ, память одного изъ нихъ мнѣ драгоценна. Общояшельства нѣкогда сблизили насъ, и объ немъ-шо намѣрентъ я шеперь побесѣдовашь съ любезными чипашелями.

Въ 1816 году, въ Маѣ мѣсяцѣ, случилось мнѣ проѣзжашь черезъ ***скую губернію, по шракшу, нынѣ уничтоженному. Находился я въ мелкомъ чинѣ, ѣхалъ на перекладныхъ, и плашилъ прогоны за двѣ лошади. Въ слѣдствіе сего смопришели со мною не церемонились, и часшо биралъ я съ бою шо, чшо, во мнѣніи

моемъ, слѣдовало мнѣ по праву. Будучи молодъ и вспылчивъ, я негодовалъ на низость и малодушіе смошрищеля, когда сей послѣдній отдавалъ пригошвенную мнѣ шройку подъ коляску чиновнаго барина. Сколь же долго не могъ я привыкнуть и къ тому, чшобъ разборчивый холопъ обносилъ меня блюдомъ на Губернапорскомъ обѣдѣ. Нынѣ то и другое кажется мнѣ въ порядкѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ нами, если бы вмѣсто общееудобнаго правила: *чинъ чина почитай*, ввелось въ употребленіе другое, на примѣръ: *уль ума почитай*? Какіе возникли бы споры! и слуги съ кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь къ моей повѣспи.

День былъ жаркій. Въ шрехъ верснахъ ошъ станціи *** спсало накрапывашь, и черезъ минушу проливной

дождь вымочилъ меня до послѣдней нитки. По прѣздѣ на спанцію, первая забота была поскорѣе переодѣться, впопоя спросишь себѣ чаю. «Эй, Дуня!» закричалъ смоприпель, «поспавъ самоваръ, да сходи за сливками.» При сихъ словахъ вышла изъ за перегородки дѣвочка лѣтъ чешырнадцати, и побѣжала въ сѣни. Красота ся меня поразила. «Эпо швоя дочка?» спросилъ я смоприпель.—«Дочка-съ,» отвѣчалъ онъ съ видомъ довольнаго самолюбія; «да такая разумная, такая проворная, вся въ покойницу мать.» Тутъ онъ принялся переписывать мою подорожную, а я занялся разсмотрѣніемъ каршинокъ, украшавшихъ его смиренную, но опрятную обитель. Онъ изображали испорію блуднаго сына: въ первой, почтенный спарикъ въ колпакѣ и шлафрокъ опускаетъ безпокойнаго

юношу, который поспѣшно принимаешь его благословеніе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой яркими чертами изображено развратное поведеніе молодаго человѣка : онъ сидитъ за столомъ, окруженный ложными друзьями и беспыдными женщинами. Далѣе, промочившійся юноша, въ рубищѣ и въ шреугольной шляпѣ, пасетъ свиней и раздѣляетъ съ ними прапезу; въ его лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе. Наконецъ представлено возвращеніе его къ отцу ; добрый спарикъ въ помѣже колпакѣ и шляфрокѣ выбѣгаетъ къ нему навспрѣчу : блудный сынъ спойшетъ на колѣнахъ ; въ перспективѣ поваръ убиваетъ упишаннаго пельца, и спаршій братъ вопрошаетъ слугъ о причинѣ шаковой радоспи. Подъ каждой картинкой прочель я приличные Нѣмецкіе стихи.

Все это донынѣ сохранилось въ моей памяти, также какъ и горшки съ бальзаминоиъ и кровавъ съ песпирой занавѣскою, и прочіе предметы, меня въ то время окружавшіе. Вижу, какъ пеперь, самого хозяина, человека лѣтъ пятидесяти, свѣжаго и добраго: на немъ былъ длинный зеленый сершукъ съ тремя медалями на полинялыхъ лентахъ.

Не успѣлъ я раслашииться со старымъ моимъ ямщикомъ, какъ Дуня возвратилась съ самоваромъ. Маленькая кокешка со вшораго взгляда замѣшила впечатлѣніе, произведенное ею на меня; она пошупила большіе голубые глаза; я спалъ съ нею разговаривая, она опивчала мнѣ безъ всякой робости, какъ дѣвушка, видѣвшая свѣтъ. Я предложилъ оищу ея стаканъ пуншу; Дунѣ подаль я чашку чаю, и мы вшроеиъ начали

бесѣдовашь, какъ будто вѣкъ были знакомы.

Лошади были давно гошовы, а мнѣ все не хотѣлось распашься съ смопришелемъ и его дочкой. Наконецъ я съ ними проспился; онецъ пожелалъ мнѣ добраго пупи, а дочь проводила до шелеги. Въ сѣняхъ я оспановился и просилъ у ней позволенія ее поцаловашь; Дуня согласилась.... Много могу я нацишашъ поцалуевъ

Съ тѣхъ поръ, какъ этимъ занимаюсь, но ни одинъ не оспавилъ во мнѣ споль долгаго, споль пріятнаго воспоминанія.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и обспояпельспва привели меня на топъ самый прапшъ, въ тѣ самый мѣспа. Я вспомнилъ дочь спараго смопришеля и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. Но, подумалъ я, спарый смопришель, мо-

жешъ бышь, уже смѣненъ; вѣроятно Дуня уже замужемъ. Мысль о смерти того или другаго также мелькнула въ умѣ моемъ, и я приближался къ станціи *** съ печальнымъ предчувствіемъ. Лошади спали у почтового домика. Вошедъ въ комнату, я поспѣхъ узналъ картинки, изображающія испорцію блуднаго сына; столъ и кровать сполли на прежнихъ мѣстахъ; но на окнахъ уже не было цвѣповъ, и все кругомъ показывало вѣхость и небреженіе. Сопришелъ спать подъ шулупомъ; мой прїѣздъ разбудилъ его; онъ привспалъ. . . . Это былъ точно Симеонъ Выринъ; но какъ онъ поспарѣлъ! Покамѣстѣ собирався онъ переписать мою подорожную, я смотрѣлъ на его сѣдину, на глубокія морщины давно небришаго лица, на сгорбленную спину — и не могъ на-

дивишься, какъ при или чепыре года могли превратитиь бодрого мушину въ хилаго спарика. «Узналъ ли ты меня?» спросилъ я его; «мы съ шобою спарые знакомые.»—«Можепть спашься,» ошвѣчалъ онъ угржомо; «здѣсь дорога большая; много провзжихъ у меня перебывало.»—«Здорова ли швоя Дуня?» продолжалъ я. Спарикъ нахмурился. «А Богъ ее знаетъ,» ошвѣчалъ онъ.—«Такъ видно она замужемъ?» сказалъ я. Спарикъ пришворился, будто бы не слыхалъ моего вопроса, и продолжалъ пошешпомъ чишатиь мою подорожную. Я прекрашилъ свои вопросы и велѣлъ поспавиць чайникъ. Любопыпшсшво начинало меня беспокоитиь, и я надѣялся, что пуншъ разрѣшитиь лзыкъ моего спараго знакомца.

Я не ошибся: старикъ не ошказался ошъ предлагаемаго спакана. Я

замѣшилъ, что ромъ прояснилъ его угрюмость. На второмъ спаканѣ сдѣлался онъ разговорчивъ; вспомнилъ, или показалъ видъ, будто бы вспомнилъ меня, и я узналъ отъ него повесть, которая въ то время сильно меня заняла и пронула.

«Такъ вы знали мою Дуню?» началъ онъ. «Кто же и не зналъ ея? Ахъ, Дуня, Дуня! Что за дѣвка то была! Бывало, кто ни пройдетъ, всякой похвалишь, никто не осудишь. Барыни дарили ее, то платочкомъ, то сережками. Господа проезжіе нарочно останавливались, будто бы пообѣдашь, аль опужинашь, а въ самомъ дѣлѣ, только, чтобъ на нее подолѣе поглядѣшь. Бывало баринъ, какой бы сердитый ни былъ, при ней ушхаетъ и милосливо со мною разговариваетъ. Повѣришь ли, сударь: курьеры, фельдъ-егеря съ

нею по получасу заговаривались. Ею домъ держался; что прибавишь, что пригошовишь, за всею успѣвала. А я по, старый дуракъ, не наглажусь, бывало, не на радуюсь; ужь я ли не любилъ моей Дуни, я ль не лелеялъ моего дитяши; ужь ей ли не было жишье? Да нѣтъ, ошъ бѣды не ошбожишься; что суждено, тому не миновать.» Тутъ онъ спалъ подробно рассказываешь мнѣ свое горе. — Три года тому назадъ, однажды, въ зимній вечеръ, когда смолришель разлинеывавалъ новую книгу, и дочь его за перегородкой шила себѣ новое платье, пройка подъѣхала, и проѣзжій въ Черкесской шапкѣ, въ военной шинели, окупаннй шалью, вошелъ въ комнацу, шребуя лошадей. Лошади все были въ разгонѣ. При семь извѣспій, путешешественникъ возвысилъ-было голосъ и нагайку; но Ду-

ня, привыкшая къ шаковымъ сценамъ, выбѣжала изъ-за перегородки и ласково обрапилась къ проѣзжему съ вопросомъ : не угодно ли будетъ ему чего нибудь покушать? Появленіе Дуни произвело обыкновенное свое дѣйствіе. Гнѣвъ проѣзжаго прошелъ ; онъ согласился ждашь лошадей и заказалъ себѣ ужинъ. Снявъ мокрую, космашую шапку, оплывавъ шамъ и сдернувъ шинель, проѣзжій явился молодымъ, спройнымъ гусаромъ съ черными усиками. Онъ расположился у смотрителя, началъ весело разговаривашъ съ нимъ и съ его дочерью. Подали ужинашъ. Между шѣмъ лошади пришли, и смотритель приказалъ, чшобъ поспѣшь, не кормя, запрягали ихъ въ кибитку проѣзжаго ; но возвратясь, нашелъ онъ молодаго чловѣка почши безъ памяти лежащаго на лавкѣ : ему сдѣла-

лось дурно, голова разболѣлась, не возможно было ѣхать... Какъ бышь! смопринпель уступилъ ему свою кровать, и положено было, если больному не будетъ легче, на другой день упромъ послашь въ С*** за лѣкаремъ.

На другой день гусару спало хуже. Человѣкъ его поѣхалъ верхомъ въ городъ за лѣкаремъ. Дуня обвязала ему голову плашкомъ, намоченнымъ уксуомъ, и съла съ своимъ шипьемъ у его кровати. Больной при смопринпель охалъ и не говорилъ почти ни слова, однакожь выпилъ двѣ чашки кофе, и охая заказалъ себѣ обѣдъ. Дуня опъ него не опходила. Онъ поминушно просилъ пишь, и Дуня подносила ему кружку ею загопшопленнаго лимонада. Больной обмакивалъ губы, и всякой разъ, возвращая кружку, въ знакъ благодарности сла-

бою своею рукою пожималъ Дунюшкину руку. Къ обѣду пріѣхалъ лѣварь. Онъ пощупалъ пульсъ больного, поговорилъ съ нимъ по Нѣмецки, и по Русски объявилъ, что ему нужно одно спокойствіе, и что дня черезъ два ему можно будетъ отправиться въ дорогу. Гусаръ вручилъ ему 25 рублей за визитъ, пригласилъ его опобѣдать; лѣварь согласился; оба ѣли съ большимъ аппетитомъ, выпили бутылку вина и разспались очень довольны другъ другомъ.

Прошелъ еще день, и гусаръ совсѣмъ оживился. Онъ былъ чрезвычайно веселъ, безъ умолку шутилъ по съ Дунею, по съ смопришелемъ; нависпывалъ пѣсни, разговаривалъ съ проѣзжими, вписывалъ ихъ подорожныя въ почтовую книгу, и такъ полюбился доброму смопришелю, что на прѣшье утро жаль было ему

разсташься съ любезнымъ своимъ постольцемъ. День былъ воскресный; Дуня собиралась къ обѣднѣ. Гусару подали кибипку. Онъ просиился съ смоприцелемъ, щедро наградивъ его за посшой и угощеніе; просиился и съ Дунею и вызвался довести ее до церкви, кошорая находилась на краю деревни. Дуня спояла въ недоумѣніи. . . . «Чего же шы боишься?» сказалъ ей опецъ; «вѣдь Его Высокоблагородіе не волкъ и шебя не съѣстъ; прокашись-ка до церкви.» Дуня сѣла въ кибипку подлѣ гусара, слуга вскочилъ на облучокъ, ямщикъ свиснулъ и лошади поскакали.

Бѣдный смоприцель не понималъ, какимъ образомъ могъ онъ самъ позволяшь своей Дунѣ ѣхать вмѣстѣ съ гусаромъ, какъ нашло на него ослѣпленіе, и что тогда было съ его разумомъ. Не прошло и получаса,

какъ сердце его начало нышь, нышь, и безпокойство овладѣло имъ до такой спелени, что онъ не ушергѣлъ, и пошелъ самъ къ обѣднѣ. Подходя къ церкви, увидѣлъ онъ, что народъ уже разходимся, но Дуни не было ни въ оградѣ, ни на паперни. Онъ поспѣшно вошелъ въ церковь: священникъ выходилъ изъ олшаря; дьячекъ гасилъ свѣчи, двѣ шарушки молились еще въ углу; но Дуни въ церкви не было. Бѣдный ошець на силу рѣшился спросить у дьячка, была ли она у обѣдни. Дьячекъ ошвѣчалъ, что не бывала. Смошришелъ пошелъ домой ни живъ, ни мершвъ. Одна оспавалась ему надежда: Дуня по вѣпрености молодыхъ лѣтъ вздумала, можешъ бышь, прокапиться до слѣдующей спанціи, гдѣ жила ея креспная машъ. Въ мучительномъ волненіи ожидалъ онъ

возвращенія пройки, на кошорой онъ оппустилъ ее. Ямщикъ не возвращался. Наконецъ къ вечеру приѣхалъ онъ одинъ и хмѣлень, съ убійственнымъ извѣстіемъ: «Дуня съ шой спанціи опправилаь далѣе съ гусаромъ.»

Спарикъ не снесъ своего нещасія; онъ шущъ же слегъ въ шу самую постель, гдѣ наканунѣ лежалъ молодой обманщикъ. Теперь смотришель, соображая всѣ обспояшельства, догадывался, что болѣзнь была припворная. Бѣдникъ занемогъ сильной горячкою; его свезли въ С*** и на его мѣсто опредѣлили навремя другаго. Тотъ же лѣкаръ, кошорый пріѣзжалъ къ гусару, лѣчилъ и его. Онъ увѣрилъ смотришеля, что молодой человекъ былъ совсѣмъ здоровъ, и что тогда еще догадывался онъ о его злобномъ намѣ-

рени, но молчалъ, опасаясь его нагайки. Правду ли говорилъ Нѣмецъ, или только желалъ похвастаться дальновидностію, но онъ ни мало шѣмъ не упѣшилъ бѣднаго больного. Едва оправаясь отъ болѣзни, смопринпель выпросилъ у С*** почпмейстера оппускъ на два мѣсяца, и не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, пѣшкомъ опправился за своею дочерью. Изъ подорожной зналъ онъ, что Роммиспръ Минскій ѣхалъ изъ Смоленска въ Пешербургъ. Ямщикъ, который везъ его, сказывалъ, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ѣхала по своей охотѣ. «Авось,» думалъ смопринпель, «приведу я домой заблудшую овечку мою.» Съ этой мыслию прибылъ онъ въ Пешербургъ, остановился въ Измайловскомъ полку, въ домѣ опспавнаго унперъ - офицера, своего

спараго сослуживца, и началъ свои
лонски. Вскорѣ узналъ онъ, что Ром-
миспръ Минскій въ Пешербургѣ и жи-
вешъ въ Демуповомъ практирѣ. Смо-
пришель рѣшился къ нему явиться.

Рано упромъ пришелъ онъ въ его
переднюю, и просилъ доложить Его
Высокоблагородію, что спарый сол-
дацъ просишь съ нимъ увидѣться.
Военный лакей, числя сапогъ на
колодкѣ, объявилъ, что баринъ по-
чиваетъ, и что прежде одиннадцати
часовъ не принимаетъ никого. Смо-
пришель ушелъ, и возвратился въ
назначенное время. Минскій вышелъ
самъ къ нему въ халатъ, въ красной
скуфьѣ. «Что, братъ, тебѣ надо-
бно?» спросилъ онъ его. Сердце спа-
рика закипѣло, слезы навернулись на
глазахъ, и онъ дрожащимъ голосомъ
произнесъ шолько: «Ваше Высоко-
благородіе!... сдѣлайте шакую Бо-

жескую милость! . . . » Минскій взглянулъ на него быстро, вспыхнулъ, взялъ его за руку, повелъ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. « Ваше Высокоблагородіе! » продолжалъ спарикъ, « что съ возу упало, што пропало; опшдайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, бѣдную мою Дуню. Вѣдь вы напѣшились ею; не погубите жъ ее по напрасну. » — « Что сдѣлано, шого не воропишь, » сказалъ молодой чело-вѣкъ въ крайнемъ замѣшательствѣ; « виновантъ передъ шобою, и радъ просить у себя прощенія; но не думай, чшобъ я Дуню могъ покинуть: она будетъ щасплива, даю шобъ честное слово. Зачѣмъ шобъ ее? Она меня любитъ; она опвыкла опъ прежняго своего сосноянїя. Ни ты, ни она — вы не забудете шого, чшо случилось. » Пошомъ, сунувъ ему что-шо за рукавъ, онъ опворилъ

дверь, и смоприсель, самъ не помня какъ, очутился на улицѣ.

Долго споялъ онъ неподвижно, наконецъ увидѣлъ за обшлагомъ своего рукава свертокъ бумагъ; онъ вынулъ ихъ и развернулъ нѣсколько пяпи и десятирублевыхъ смятыхъ ассигнацій. Слезы опять навернулись на глазахъ его, слезы негодованія! Онъ сжалъ бумажки въ комокъ, бросилъ ихъ на земь, припопшалъ каблукомъ, и пошелъ... Опощедъ нѣсколько шаговъ, онъ оспановился, подумалъ... и воропился... но ассигнацій уже не было. Хорошо одѣшый молодой человекъ, увидя его, подбѣжалъ къ извоцику, сѣлъ поспѣшно и закричалъ: «пошелъ!...» Смоприсель за нимъ не погнался. Онъ рѣшился опправипсья домой на свою спанцію, но прежде хотѣлъ хопъ разъ еще увидѣшь бѣдную

свою Дуню. Для сего, дня через два, воропился онъ къ Минскому; но военный лакей сказалъ ему сурово, что баринъ никого не принимаетъ, грудью выпѣснилъ его изъ передней, и хлопнулъ двери ему подъ носъ. Смошришелъ поспоялъ, поспоялъ — да и пошелъ.

Въ эщоптъ самый день, вечеромъ, шелъ онъ по Липейной, отслуживъ молебень у Всѣхъ Скорбящихъ. Вдругъ промчались передъ нимъ щегольскія дрожки, и смошришелъ узналъ Минскаго. Дрожки осшановились передъ прех-эпажнымъ домомъ у самага подѣзда, и гусаръ вбѣжалъ на крыльце. Щаспливая мысль мельгнула въ головѣ смошришеля. Онъ воропился, и поровнявшись съ кучеромъ: «Чья, брашь, лошадь?» спросилъ онъ, «не Минскаго ли?» — «Точно шакъ,» опвѣчалъ кучерь, «а чпо шебъ?» —

*

« Да вошь чшо : баринъ швой приказалъ мнѣ опнеспи къ его Дуни записочку, а я и позабудь, гдѣ Дуня-шо его живепть. » — « Да вошь здѣсь, во впоромъ эпажѣ. Опоздалъ пы, брагть, съ швоей запиской ; шеперь ужъ онъ самъ у нее. » — « Нужды нѣшть, » возразилъ смоприщель съ неизъяснимымъ движеніемъ сердца, « спасибо, чшо надоумилъ, а я свое дѣло сдѣлаю. » И съ эшимъ словомъ пошелъ онъ по лѣспнищѣ.

Двери были запершы ; онъ позвонилъ, прошло нѣсколькo секундъ въ шягосшномъ для него ожиданіи. Ключъ загремѣлъ, ему опворили. « Здѣсь спощъ Авдошья Самсоновна ? » спросилъ онъ. « Здѣсь, » опвѣчала молодая служанка ; « за чѣмъ шебѣ ея надобно ? » Смоприщель, не опвѣчая, вошелъ въ залу. « Не лъзя, не лъзя ! » закричала вслѣдъ ему служанка ; « у Авдошьи

Самсоновны госпи.» Но смоприпѣль, не слушая, шель далѣе. Двѣ первыя комнапы были пемны, въ прешей былъ огонь. Онъ подошелъ къ расшворенной двери и оспановилса. Въ комнапѣ богапоубранной, Минскій сидѣлъ въ задумчивоспи. Дуня, одѣшая со всею роскошью моды, сидѣла на ручкѣ его кресель, какъ наѣздница на своемъ Англійскомъ сѣдлѣ. Она съ нѣжностію смопрѣла на Минскаго, намапывая черныя его кудри на свои сверкающіе пальцы. Бѣдный смоприпѣль! Никогда дочь его не казалась ему споль прекрасною; онъ по неволѣ ею любовался. «Кпо шамъ?» спросила она, не поднимая головы. Онъ все молчалъ. Не получая ошвѣта, Дуня подняла голову... и съ крикомъ упала на коверъ. Испуганный Минскій кинулся ее поднимать, и вдругъ увидя въ дверяхъ

спараго смопришеля, оставилъ Дунию, и подошелъ къ нему, дрожа отъ гнѣва. « Чего тебѣ надобно? » сказалъ онъ ему, спхиснувъ зубы; « что ты за мною всюду крадешься, какъ разбойникъ? или хочешь меня зарѣзать? Пошелъ вонъ! » и сильной рукою схвативъ спарика заворотъ, выполкнулъ его на лѣспницу.

Спарикъ пришелъ къ себѣ на квартиру. Пришелъ его совѣтовать ему жаловаться; но смопришель подумалъ, махнулъ рукой и рѣшился опспупиться. Черезъ два дня опсправилъ ся онъ изъ Пепербурга обратно на свою спанцію, и опять принялся за свою должность. « Вотъ уже шрешій годъ, заключилъ онъ, какъ живу я безъ Дуни, и какъ объ ней нѣтъ ни слуху ни духу. Жива ли, нѣтъ ли, Богъ ее вѣдаешь. Всяко случается. Не ее первую, не ее послѣднюю сма-

нили проѣзжіи повѣса, а шамъ подержалъ, да и бросилъ. Много ихъ въ Пешербургъ, молоденькихъ дурь, сегодня въ апласъ да бархантъ, а завпра, поглядишь, мешупъ улицу вмѣстѣ съ голью кабацкою. Какъ подумаешь порою, чпо и Дуня, можешь бышь, шупъ же пропадаешь, шакъ по неволѣ согрѣшишь, да пожелаешь ей могилы. . . .»

Таковъ былъ разсказъ пріятеля моего, стараго смопришеля, разсказъ неоднократно прерываемый слезами, копорья живописно опиралъ онъ своею полою, какъ усердный Терепъичъ въ прекрасной балладѣ Дмитріева. Слезы сіи опчаси возбуждаемы были пуншемъ, коего выплянулъ онъ пашъ спакановъ въ продолженіи своего повѣсповованія; но какъ бы шо ни было, онъ сильно пронули мое сердце. Съ нимъ раз-

спавшись, долго не могъ я забыть стараго смоприщеля, долго думалъ я о бѣдной Дунѣ....

Недавно еще, проѣзжая черезъ мѣстечко ***, вспомнилъ я о моемъ пріятелѣ; я узналъ, что станція, надъ кою оный начальствовалъ, уже уничтожена. На вопросъ мой: «Живъ ли старый смоприщель?» никакъ не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Я рѣшился поѣхать знакомую сторону, взялъ вольныхъ лошадей и пустился въ село Н.

Это случилось осенью. Сѣренькія тучи покрывали небо; холодный вѣтеръ дулъ съ пожатыхъ полей, унося красныя и желтыя листья со встрѣчныхъ деревьевъ. Я пріѣхалъ въ село при закатѣ солнца и остановился у почтоваго домика. Въ сѣни (гдѣ некогда поцаловала меня бѣдная

Дуня) вышла толстая баба, и на вопросы мои опивчала, что старый смогришель съ годъ какъ померъ, что въ домъ его поселился пивоваръ, а что она жена пивоварова. Мнѣ спало жаль моей напрасной поѣздки и семи рублей, издержанныхъ даромъ. «Опъ чего жъ онъ умеръ?» спросилъ я пивоварову жену. — «Спился, башюшка,» опивчала она. — «А гдѣ его похоронили?» — «За околицей, подлѣ покойной хозяйки его.» — «Не лъзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же не лъзя. Эй, Ванька! полно тебѣ съ кошкою возишья. Проводи-ка барина на кладбище, да укажи ему смогришелеву могилу.»

При сихъ словахъ, оборванный мальчикъ, рыжий и кривой, выбѣжалъ ко мнѣ и шопчасъ повелъ меня за околицу.

«Зналъ ты покойника?» спросилъ я его дорогой.

— « Какъ не знашь! Онъ выучилъ меня дудочки вырѣзывать. Бывало (царство ему небесное!) идешь изъ кабака, а мы-шо за нимъ: «Дѣдушка, дѣдушка! орѣшковъ!» — а онъ насъ орѣшками и надѣляетъ. Все бывало съ нами возишся.»

« А проѣзжіе вспоминають ли его?»

— « Да нынѣ мало проѣзжихъ; развѣ засѣдатель завернешъ, да шому не до мершвыхъ. Вошъ лѣпомъ проѣзжала барыня, шакъ ша спрашивала о спаромъ сморшшелъ и ходила къ нему на могилу.»

« Какая барыня?» спросилъ я съ любопытствомъ.

— « Прекрасная барыня,» ошвѣчалъ мальчишка; « ѣхала она въ каретѣ въ шестъ лошадей, съ шрема маленькими барчапами и съ кормилицей, и съ черной моською; и какъ ей сказали, что спарый сморшшелъ у-

меръ, такъ она заплакала и сказала дѣшамъ : «сидице смирно, а я схожу на кладбище.» А я было вызвался довести ее. А барыня сказала : «Я сама дорогу знаю. И дала мнѣ пяшакъ серебромъ — шакал добрая барыня ! . . .»

Мы пришли на кладбище, голое мѣсто, ничѣмъ не огражденное, усѣян-ное деревянными креслами, не освѣщенными ни единымъ деревцемъ. Опроду не видалъ я шакого печальнаго кладбища.

«Вопъ могила спараго смоприше-ля,» сказалъ мнѣ мальчикъ, вспрыгнувъ на груду песку, въ копорую врышь былъ черныи кресшъ съ мѣд-нымъ образомъ.

— «И барыня приходила сюда?» спросилъ я.

«Приходила,» опвѣчалъ Ванька; «я смопрѣлъ на нее издали. Она ле-гла здѣсь, и лежала долго. А шамъ

барыня пошла въ село, и призвала
попа, дала ему денегъ и поѣхала, а
мнѣ дала пятакъ серебромъ — слав-
ная барыня!»

И я далъ мальчишкѣ пяшачекъ, и
не жалѣлъ уже ни о поѣздкѣ, ни о
семи рубляхъ, мною испраченныхъ.

БАРЫШНЯ
КРЕСТЬЯНКА.

БАРЫШНЯ КРЕСТЬЯНКА.

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ
хороща.

Богдановичъ.

Въ одной изъ опшдаленныхъ нашихъ губерній находилось имѣніе Ивана Пепровича Берешова. Въ молодости своей служилъ онъ въ гвардіи, вышелъ въ опшсавку въ началѣ 1797 года, уѣхалъ въ свою деревню, и съ тѣхъ поръ опшсуда не выѣзжалъ. Онъ былъ женатъ на бѣдной дворянкѣ, которая умерла въ родахъ, въ

по время, какъ онъ находился въ опшѣзжемъ полѣ. Хозяйственныя упражненія скоро его упшшили. Онъ выпроилъ домъ по собщвенному плану, завелъ у себя суконную фабрику, упроилъ доходы и спалъ почипашъ себя умнѣйшимъ челоуѣкомъ во всемъ околодѣ, въ чемъ и не прекословили ему сосѣды, прѣзжавшіе къ нему госпишъ съ своими семейспвами и собаками. Въ будни ходилъ онъ въ плисовой куршкѣ, по праздникамъ надѣвалъ онъ серпукъ изъ сукна домашней рабошы; самъ записывалъ расходъ, и ничего не чипалъ, кромѣ Сенапскихъ Вѣдомоспей. Вообще его любили, хопя и почипали гордымъ. Не ладилъ съ нимъ одинъ Григорій Ивановичъ Муромскій, ближайшій его сосѣдъ. Эпошъ былъ настоящій Русской баринъ. Промошавъ въ Москвѣ большую часть имѣнія

своего, и на шу пору овдовѣвъ, уѣхалъ онъ въ послѣднюю свою деревню, гдѣ продолжалъ проказничать, но уже въ новомъ родѣ. Развелъ онъ Англійскій садъ, на которой пращилъ почти все оспальные доходы. Конюхи его были одѣшны Англійскими жокеями. У дочери его была Мадамъ Англичанка. Поля свои обрабатывалъ онъ по Англійской методѣ;

Но на чужой манеръ хлѣбъ Русской не ро-
дится,

и не смотря на значительное уменьшеніе расходовъ, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; онъ и въ деревнѣ находилъ способъ войти въ новые долги; со всемъ тѣмъ почитался человекомъ не глупымъ, ибо первый изъ помѣщиковъ своей губерніи догадался заложить имѣніе въ Опекунской Совѣтъ: оборотъ, казавшійся въ то время чрезвычайно сло-

жнымъ и смѣлымъ. Изъ людей, осуждавшихъ его, Бересшовъ отзывался спроче всѣхъ. Ненависть къ нововведеніямъ была опличительная черта его характера. Онъ не могъ равнодушно говорить объ Англоманіи своего сосѣда, и поминутно находилъ случай его кришиковать. Показывалъ ли госпою свои владѣнія, въ опвѣщъ на похвалы его хозяйственнымъ распоряженіямъ: «Да-съ!» говорилъ онъ съ лукавой усмѣшкою; «у меня не по, что у сосѣда Григорья Ивановича. Куда намъ по Англійски разоряться! Были бы мы по Русски хоть сышы.» Сіи и подобныя шушки, по усердію сосѣдовъ, доводимы были до свѣдѣнія Григорья Ивановича съ дополненіемъ и объясненіями. Англоманъ выносилъ кришику споль же неперпѣливо, какъ и наши журналисты. Онъ бѣсился и

прозвалъ своего Зоила медвѣдемъ и провинціаломъ.

Таковы были сношенія между сими двумя владѣльцами, какъ сынъ Бересцова пріѣхалъ къ нему въ деревню. Онъ былъ воспитанъ въ *** Университетѣ и намѣревался вступить въ военную службу, но отецъ на то не соглашался. Къ спанской службѣ молодой человекъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ. Они другъ другу не уступали, и молодой Алексѣй спалъ жить покаместъ бариномъ, опустивъ усы на всякой случай.

Алексѣй былъ, въ самомъ дѣлѣ, молодецъ. Право было бы жаль, если бы его спройного спана никогда не стягивалъ военный мундиръ, и если бы онъ, вмѣсто того, чѣмъ рисовался на конѣ, провелъ свою молодость, согнувшись надъ канце-

лярскими бумагами. Смошря, какъ онъ на охотѣ скакалъ всегда первый, не разбирая дороги, сосѣды говорили согласно, что изъ него никогда не выйдетъ пушного сполоначальника. Барышни поглядывали на него, а иногда и заглядывались; но Алексѣй мало ими занимался, а онъ причиной его нечувствительности полагали любовную связь. Въ самомъ дѣлѣ, ходилъ по рукамъ списокъ съ адреса одного изъ его писемъ: *Акулинь Петровна Курочкиной, въ Москвѣ, напротивъ Алексѣевского монастыря, въ до.ль мѣдника Савельева, а васъ покорнѣйше прошу доставить письмо сіе А. Н. Р.*

Тѣ изъ моихъ чипапелей, копырые не живали въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни! Воспитанныя на чистомъ воздухѣ, въ

щѣни своихъ садовыхъ яблонь, онѣ знаніе свѣта и жизни почерпають изъ книжекъ. Уединеніе, свобода и чпеніе рано въ нихъ развивають чувства и спраси, неизвѣстные разсѣяннымъ нашимъ красавицамъ. Для барышни звонъ колокольчика еспь уже приключеніе, поѣздка въ ближній городъ полагается эпохою въ жизни, и посѣщеніе госпя оспавляетъ долгое, иногда и вѣчное воспоминаніе. Конечно всякому вольно смѣяться надъ нѣкошорыми ихъ спранностями; но шушки поверхностнаго наблюдателя не могутъ уничтожить ихъ существенныхъ достоинствъ, изъ коихъ главное: *особенность характера, самобытность (individualité)*, безъ чего, по мнѣнію Жанъ-Поля, не существуетъ и чело-вѣческаго величія. Въ столицахъ женщины получаютъ, можетъ быть,

лучшее образованіе; но навѣкъ свѣ-
ща скоро сглаживаешь характеръ и
дѣлаешь души сплошь же однообраз-
ными, какъ и головные уборы. Сіе
да будетъ сказано не въ судъ и не
во осужденіе, однакожь *Nota postra*
manet, какъ пишешь одинъ шарин-
ный комменпапоръ.

Легко вообразишь, какое впечатлѣ-
ніе Алексѣй долженъ былъ произвести
въ кругу нашихъ барышень. Онъ пер-
вый передъ ними явился мрачнымъ
и разочарованнымъ, первый говорилъ
имъ объ утраченныхъ радостяхъ и
объ увядшей своей юности; сверхъ
того носилъ онъ черное кольцо съ
изображеніемъ мерпивоѣ головы. Все
это было чрезвычайно ново въ той
губерніи. Барышни сходили по немъ
съ ума.

Но всѣхъ болѣе занята была имъ
дочь Англomана моего, Лиза (или

Бешси, какъ звалъ ее обыкновенно Григорій Ивановичь). Опцы другъ ко другу не ѣздили, она Алексѣя еще не видала, между тѣмъ, какъ всѣ молодыя сосѣдки только объ немъ и говорили. Ей было семнадцать лѣтъ. Черные глаза оживляли ее смуглое и очень пріятное лице. Она была единственнаго и слѣдственно балованнаго дитя. Ея рѣзвостъ и поминутныя проказы восхищали опца и приводили въ опчаянье ея мадамъ Миссъ Жаксонъ, сорокалѣтнюю чопорную дѣвицу, которая бѣлнлась и сурмила себѣ брови, два раза въ годъ перечисывала Памелу, получала за то двѣ тысячи рублей, и умирала со скуки въ эпоху варварской Россіи.

За Лизою ходила Наспя; она была постарше, но споль же въпрена, какъ и ея барышня. Лиза очень любила ее, открывала ей всѣ свои шай-

ны, вмѣстѣ съ нею обдумывала свои заплѣты; словомъ, Наспя была въ селѣ Аносовѣ лицомъ гораздо болѣе значительнымъ, нежели любая наперсница во Французской пражедѣи.

«Позвольте мнѣ сего дня пойти въ госпи,» сказала однажды Наспя, одѣвая барышню.

— «Изволь; а куда?»

«Въ Тутылово, къ Бересповымъ. Поварова жена у нихъ имянинница, и вчера приходила звать насъ опобѣдать.»

— «Вошь!» сказала Лиза, «господа въ ссорѣ, а слуги другъ друга угощаютъ.»

«А намъ какое дѣло до господъ!» возразила Наспя; «къ тому же я ваша, а не папенькина. Вы вѣдь не бранились еще съ молодымъ Бересповымъ; а сшарики пускай себѣ дерущся, коли имъ это весело.»

— «Поспайся, Наспя, увидѣшь Алексѣя Береснова, да расскажи мнѣ хорошенько, каковъ онъ собою и что онъ за человѣкъ.»

Наспя обѣщалась, а Лиза съ нетерпѣніемъ ожидала цѣлый день ея возвращенія. Вечеромъ Наспя явилась, «Ну, Лизавеша Гавриловна,» сказала она входя въ комнату, «видѣла молодого Береснова; наглядѣлась довольно; цѣлый день были вмѣстѣ.»

— «Какъ это? Расскажи, расскажи по порядку.»

«Извольте-съ: пошли мы, я, Анисья Егоровна, Ненила, Дунька...»

— «Хорошо, знаю. Ну попомъ.»

«Позвольте-съ, расскажу все по порядку. Вошъ пришли мы къ самому обѣду. Комната полна была народу. Были Колбинскія, Захарьевскія, прикащица съ дочерьми, Хлупинскія...»

— «Ну! а Бересповъ?»

«Погодише-сь. Вошь мы съѣли за спола, прикащица на первомъ мѣспѣ, я подмѣ нея... а дочери и надулись, да мнѣ наплевашь на нихъ...»

— «Ахъ, Настя, какъ ты скучна съ вѣчными своими подробностями!»

«Да какъ же вы неперпѣливы! Ну вошь вышли мы изъ за спола.. а сидѣли мы часа три и обѣдъ былъ славный; пирожное блаи-манже синее, красное и полосатое... Вошь вышли мы изъ за спола, и пошли въ садъ играть въ горѣлки, а молодой баринъ шущь и явился.»

— «Ну чпожь? Правда ли, чпо онъ такъ хорошъ собою?»

«Удивительно хорошъ, красавецъ, можно сказашь. Спрройный, высокій, румянецъ во всю щеку...»

— «Право? А я такъ думала, что у него лице блѣдное. Что же? Какъ онъ себѣ показался? Печаленъ, задумчивъ?»

«Что вы? Да этакаго бѣшенаго я и сроду не видывала. Вздумалъ онъ съ нами въ горѣлки бѣгать.»

— «Съ вами въ горѣлки бѣгать! Невозможно!»

«Очень возможно. Да что еще выдумалъ! Поймаешь, и ну целовать!»

— Воля швоя, Наспш, ты врешь.»

«Воля ваша, не вру. Я насилу опшъ него опдѣлалась. Цѣлый день съ нами шакъ и провозился.»

— «Да какъ же, говоряшь, онъ влюбленъ и ни на кого не смопришь?»

«Не знаю-сь, а на меня шакъ ужъ слишкомъ смопрѣлъ да и на Таню, прикащикову дочь, поже; да и на Пашу Колбинскую, да грѣхъ сказашь, никого не обидѣлъ, шакъ баловникъ!»

— «Эшо удивительно! А чшо въ домѣ про него слышно?»

«Баринъ, сказывающъ, прекрасный: такай добрый, такай веселый. Одно не хорошо: за дѣвушками слишкомъ любилъ гоняться. Да, по мнѣ, эшо еще не бѣда: со временемъ оспенился.»

— «Какъ бы мнѣ хотѣлось его видѣть!» сказала Лиза со вздохомъ.

«Да чшо же шушь мудренаго? Тугилово ошъ насъ не далеко, всего шри вершы: подяше гуляшь въ шу сторону, или поѣзжайше верхомъ; вы вѣрно встрѣшите его. Онъ же всякой день, рано поушру, ходилъ съ ружьемъ на охоту.»

«— Да нѣшъ, не хорошо. Онъ можешъ подумашъ, чшо я за нимъ гоняюсь. Къ шому же ошцы наши въ ссорѣ, такай и мнѣ все же не лѣзя будешъ съ нимъ познакомилъся...»

Ахъ, Наспя! Знаешь ли что? Наряжусь я крещьянкою!»

«И въ самомъ дѣлѣ; надѣньше полспую рубашку, сарафанъ, да и спущайше смѣло въ Тугилово; ручаюсь вамъ, что Бересповъ ужъ васъ не прозѣваетъ.»

— «А поздѣшнему я говоришь умѣю прекрасно. Ахъ, Наспя, милая Наспя! Какая славная выдумка!» И Лиза легла спать съ намѣреніемъ непременно исполнишь веселое свое предположеніе. На другой же день приспустила она къ исполненію своего плана, послала купить на базарѣ полспаго полошна, синей кипайки и мѣдныхъ пуговокъ, съ помощью Наспи скроила себѣ рубашку и сарафанъ, засадила за шитье всю дѣвичью, и къ вечеру все было готово. Лиза примѣрила обнову, и призналась предъ зеркаломъ, что нико-

гда еще шакъ мила самой себѣ не казалась. Она повторила свою роль, на ходу низко кланялась и нѣсколько разъ попомъ качала головою, на подобіе глиняныхъ коповъ, говорила на креспьянскомъ нарѣчїи, смѣялась, закрываясь рукавомъ, и заслужила полное одобреніе Настя. Одно запрудняло ее: она попробовала бымо пройши по двору босая, но дернъ колось ея нѣжныя ноги, а песокъ и камешки показались ей нестерпимы. Настя и шупъ ей помогла: она сняла мѣрку съ Лизиной ноги, сбѣгала въ поле къ Трофиму паспуху и заказала ему пару лапней по шой мѣркѣ. На другой день, ни свѣтъ ни зоря, Лиза уже проснулась. Весь домъ еще спалъ. Настя за ворошами ожидала паспуха. Заигралъ рожокъ и деревенское стадо попянулось мимо барскаго двора. Трофимъ, проходя пе-

редъ Наспей, опдалъ ей маленькія, неспрыя лапши и получилъ опъ нея полшину въ награжденіе. Лиза пихонько нарядилась крестьянкою, шоппомъ дала Наспѣ свои наснавленія касательно Миссъ Жаксонъ, вышла на заднее крыльцо и черезъ огородъ побѣжала въ поле.

Заря сіяла на воспокъ и золопые ряды облаковъ, казалось, ожидали солнца, какъ царедворцы ожидаютъ Государя; ясное небо, ушрення свѣжеспъ, роса, вѣперокъ и пѣніе пшичекъ наполняли сердце Лизы младенческой веселосшію; боясь какой нибудь знакомой встрѣчи, она, казалось, не шла, а лепѣла. Приближалась къ роцѣ, стоящей на рубежѣ опцовскаго владѣнія, Лиза пошла пшиче. Здѣсь она должна была ожидать Алексъя. Сердце ея сильно билось, само не зная, почему; но боязнь, сопровождающая молодья

наши проказы, составляешь и главную их прелесть. Лиза вошла въ сумракъ рощи. Глухой, перекашный шумъ ея привѣщивовалъ дѣвушку. Веселость ея прищикла. Мало по малу предалась она сладкой мечшательности. Она думала... но можно ли съ точностию опредѣлить, о чемъ думаетъ семнадцати-лѣтняя барышня, одна, въ рощѣ, въ пятомъ часу весенняго утра? И пакъ она шла, задумавшись, по дорогѣ, осыненной съ обѣихъ сторонъ высокими деревьями, какъ вдругъ прекрасная лягавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. Въ то же время раздался голосъ: *tout beau, Sbogar, ici...* и молодой охотникъ показался изъ закушарника. « Не бось, милая, » сказалъ онъ Лизѣ, « собака моя не кусается. » Лиза успѣла уже оправиться отъ испуга, и умѣла потчасъ вос-

пользоваться обстоятельством. «Да
нѣтъ, баринъ, сказала она, при-
творяясь полуниспуганной, полуза-
стѣнчивой, « боюсь : она, вишь,
никакая злая ; опять кинется. » Алексѣй
(чашапель уже узналъ его) между
тѣмъ приспально глядѣлъ на моло-
дую крестьянку. « Я провожу тебя,
если ты боишься, » сказалъ онъ ей ;
« ты мнѣ позволишь итти подлѣ се-
бя? » — « А кто те мѣшаетъ? » отвѣ-
чала Лиза ; « вольному воля, а дорога
мірская. » — « Откуда ты? » — « Изъ
Прилучина ; я дочь Василья кузнеца,
иду по грибы. » (Лиза несла кузовокъ
на веревочкѣ). « А ты, баринъ? Ту-
гилевскій, что-ли? » — « Такъ точно, »
отвѣчалъ Алексѣй, « я камердинеръ
молодаго барина. » Алексѣю хотѣлось
уровнять ихъ отношенія. Но Лиза
поглядѣла на него и засмѣялась. « А
лжешь, » сказала она, « не на дуру

напаль. Вижу, что ты сама баринь.» —
« Почему-же ты так думаешь? » —
« Да по всему. » — « Однакожь? » —
« Да какъ же барина съ слугой не рас-
познашь? И одѣтъ-то не такъ, и ба-
ишь иначе, и собаку по кличешь не по
нашему. » Лиза частъ опъ часу болѣе
правилаь Алексѣю. Привыкнувъ не
церемониться съ хорошенькими посе-
лянками, онъ было хотѣлъ обнять
ее; но Лиза оппрыгнула опъ него и
приняла вдругъ на себя шакой спро-
гой и холодной видъ, что хотпя это и
разсмѣшило Алексѣя, но удержало его
опъ дальнѣйшихъ покушеній. « Если
вы хотипе, чтобы мы были впередъ
пріятелями, » сказала она съ важно-
спію, « то не извольте забываться. »
« Кто тебя научилъ этой пре-
мудрости? » спросилъ Алексѣй расхо-
шавшись. « Ужь не Наспенька ли,
моя знакомая, не дѣвушка ли бары-

лни вашей? Вошь какими пупями распротраняется протсвѣщеніе!» Лиза потувспривовала, что вышла было изъ своей роли, и потощасъ поправи-лась. «А что думаешь?» сказала она; «развѣ я и на барскомъ дворѣ никогда не бываю? небошь: всего наслышалась и наглядѣлась. Однако,» продолжала она, «болтая съ шобкою грибовъ не наберешь. Иди-ка ты, баринъ, въ спорону, а я въ другую. Прощенія просимъ...» Лиза хотѣла удалиться, Алексѣй удержалъ ее за руку. «Какъ тебя зовутъ, душа моя.» — «Акулиной,» отвѣчала Лиза, спараясь освободить свои пальцы отъ руки Алексѣевой; «да пусти-жь, баринъ; мнѣ и домой пора.» — «Ну, мой другъ Акулина, непременно буду въ гости къ твоему батюшкѣ, къ Василью кузнецу.» — «Что ты?» возразила съ живоспїю Лиза, «ради Христа не

приходи. Коли дома узнаюшь, что я съ бариномъ въ роцѣ болшала наединѣ, то мнѣ бѣда будетъ; опецъ мой, Василій кузнецъ, прибѣлетъ меня до смерти.» — «Да я непременно хочу съ шобою опять видѣться.» — Ну я когда нибудь опять сюда приду за грибами.» — «Когда же?» — «Да хопъ завпра.» — «Милая Акулина, расцаловаль бы шебя, да не смѣю. Такъ завпра, въ это время, не правда ли?» «Да, да.» — «И ты не обманешь меня?» — «Не обману.» — «Побожись.» «Ну вошь те свяшая плшница, приду.»

Молодые люди разсѣлись. Лиза вышла изъ лѣсу, перебралась черезъ поле, прокралась въ садъ и опронежью побѣжала въ ферму, гдѣ Наспя ожидала ее. Тамъ она переодѣлась, разсѣянно опвѣчая на вопросы нешерпѣливой наперсницы, и явилась

въ госпиную. Сподѣ былъ накрытъ, завтракъ гошовъ, и Миссъ Жаксонъ, уже набѣленная и запынушая въ рюмочку, нарѣзывала поненькія шаршинки. Опецъ похвалилъ ее за раннюю прогулку. «Нѣтъ ничего здоровѣе,» сказалъ онъ, «какъ просыпашься на зарѣ.» Тупъ онъ привелъ нѣсколько примѣровъ челоувѣческаго долголѣтія, почерпнушихъ изъ англійскихъ журналовъ, замѣчая, что всѣ люди, жившіе болѣе сна лѣтъ, не употребляли водки и вставали на зарѣ зимой и лѣтомъ. Лиза его не слушала. Она въ мысляхъ повноряла всѣ общепельспива упреняго свиданія, весь разговоръ Акулины съ молодымъ охотникомъ, и совѣспъ начинала ее мучить. Напрасно возражала она самой себѣ, что бесѣда ихъ не выходила изъ границъ благоприспѣйности, что эша шалоспъ не могла имѣть ника-

кого послѣдствіи, совѣсть ея роптала громче ея разума. Обѣщаніе, данное ею на завтрашній день, всего болѣе беспокоило ее : она совсѣмъ было рѣшилась не сдержавъ своей порожественной клятвы. Но Алексѣй, прождавъ ея напрасно, могъ иппи опыскивать въ селѣ дочь Василья кузнеца, наспоящую Акулину, полспую, рябую дѣвку, и шакимъ образомъ догадаться объ ея легкомысленной проказѣ. Мысль эша ужаснула Лизу, и она рѣшилась на другое упроепія явиться въ роцу Акулиной.

Съ своей спороны Алексѣй былъ въ восхищеніи, цѣлый день думалъ онъ о новой своей знакомкѣ; ночью образъ смуглой красавицы и во снѣ прелѣдовалъ его воображеніе. Заря едва занималась, какъ онъ уже былъ одѣтъ. Не давъ себѣ времени зарядить ружье, вышелъ онъ въ поле съ вѣр-

нымъ своимъ Сбогаромъ и побѣжалъ къ мѣсту обѣщаннаго свиданія. Около получаса прошло въ несносномъ для него ожиданіи; наконецъ онъ увидѣлъ межъ кустарника мелькнувшій синій сарафанъ, и бросился навстрѣчу милой Акулины. Она улыбнулась воспоргу его благодарности; но Алексѣй поспѣшъ замѣпилъ на ея лицѣ слезы унынія и безпокойства. Онъ хотѣлъ узнать пому причину. Лиза призналась, что пошупокъ ея казался ей легкомысленнымъ, что она въ немъ раскаивалась, что на сей разъ не хотѣла она не сдержашъ даннаго слова, но что это свиданіе будетъ уже послѣднимъ, и что она проситъ его прекратить знакомство, которое ни къ чему доброму не можетъ ихъ довести. Все это, разумѣется, было сказано на крестьянскомъ нарѣчій; но мысли и чувства, необыкновенныя

въ проспой дѣвушкѣ, поразили Алексѣя. Онъ упобребилъ все свое краснорѣчіе, дабы опшврапипшь Акулину опшь ея намѣренія; увѣрлялъ ее въ невинности своихъ желаній, обѣщаль никогда не подашь ей повода къ раскаянію, повинувашься ей во всемъ, заклиналъ ее не лишашь его одной опшрады: видашься съ нею наединѣ, хопя бы черезъ день, хопя бы дважды въ недѣлю. Онъ говорилъ языкомъ испинной спрасши, и въ эпу минушу былъ шочно влюбленъ. Лиза слушала его молча. »Дай мнѣ слово,« сказала она наконецъ, »чшо шы никогда не будешь искашь меня въ деревнѣ или распрашивашь обо мнѣ. Дай мнѣ слово не искашь другихъ со мною свиданій, кромѣ тѣхъ, кошорья я сама назначу. «Алексѣй поклялся было ей свяшою пшшницею, но она съ улыбкой ошпановила его.» Мнѣ

не нужно кляпвы,» сказала Лиза, »довольно одного своего обѣщанія.« По-слѣ того они дружески разговаривали, гуляя вмѣстѣ по лѣсу, до шѣхъ поръ пока Лиза сказала ему: пора. Они разспались, и Алексѣй, оспавшись наединѣ, не могъ понять, какимъ образомъ проспая деревенская дѣвочка въ два свиданія успѣла взять надъ нимъ испинную власть. Его сношенія съ Акулиной имѣли для него прелестъ новизны, и хотя предписанія спрванной креспьянки казались ему шлагоспными, но мысль не сдержавъ своего слова не пришла даже ему въ голову. Дѣло въ томъ, что Алексѣй, не смотря на роковое кольцо, на шпависпвенную переписку и на мрачную разочарованность, былъ доброй и пылкой малый и имѣлъ сердце чистое, способное чувспвовавъ наслажденія невинности.

Если бы слушался я одной своей охоты, но непременно и во всей подробности спать бы я описывалъ свиданія молодыхъ людей, возрастающую взаимную склонность и доверчивость, занятія, разговоры; но знаю, что большая часть моихъ читателей не раздѣлила бы со мною моего удовольствія. Эти подробности вообще должны казаться припорочными, и такъ я пропущу ихъ, сказавъ вкратцѣ, что не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ, а мой Алексѣй былъ уже влюбленъ безъ памяти, и Лиза была равнодушнѣе, хотя и молчаливѣе его. Оба они были щастливы наспоющимъ и мало думали о будущемъ.

Мысль о неразрывныхъ узахъ довольно часто мелькала въ ихъ умѣ, но никогда они о томъ другъ съ другомъ не говорили. Причина ясная:

Алексѣй, какъ ни привязанъ былъ къ милой своей Акулинѣ, все помнилъ разспойнѣе, существующее между нимъ и бѣдной крещьянкою; а Лиза вѣдала, какая ненависть существовала между ихъ опцами и не смѣла надѣлаться на взаимное примиреніе. Къ тому же самолюбіе ея было впаинѣе подспрекаемо шемной, романической надеждою увидѣшь наконецъ Тугиловскаго помѣщика у ногъ дочери Прилучинскаго кузнеца. Вдругъ важное происшествіе чужь было не переменяло ихъ взаимныхъ опношеній.

Въ одно ясное, холодное упру (изъ пѣхъ, какими богаша наша русская осень), Иванъ Цепровичъ Бересповъ выѣхалъ прогулянься верхомъ, на всякой случай взявъ съ собою пары при борзыхъ, спремяннаго и нѣскольکو дворовыхъ мальчишекъ съ прецошками. Въ шо же самое время Гри-

горій Ивановичъ Муромскій, соблазнясь хорошею погодою, вслѣлъ осѣдлашь куцую свою кобылку и рысью поѣхалъ около своихъ ангажированныхъ владѣній. Подъезжая къ лѣсу, увидѣлъ онъ сосѣда своего, гордо сидящаго верхомъ, въ чекменѣ подбиномъ лисьимъ мѣхомъ, и поджидающаго зайца, копорого мальчишки крикомъ и прещошками выгоняли изъ за кустарника. Если бъ Григорій Ивановичъ могъ предвидѣшь эту встрѣчу, то конечно бъ онъ поворошилъ въ сторону; но онъ наѣхалъ на Бересова вовсе неожиданно, и вдругъ очутился опъ него въ распояннн писполоешнаго выпирѣла. Дѣлашь было нечего: Муромскій, какъ образованный Европеецъ, подѣхалъ къ своему противнику и учтиво его привѣщивовалъ. Бересовъ опвѣчалъ съ шакимъ же усердѣемъ, съ каковымъ цѣпной медвѣдь кланяется

Господамъ по приказанію своего лажанаго. Въ сіе время заяць выско-
чилъ изъ лѣсу и побѣжалъ полемъ.
Берешовъ и спремянной закричали
во все горло, пустили собакъ и слѣ-
домъ поскакали во весь опоръ. Лошадь
Муромскаго, небывавшая никогда
на охотѣ, испугалась и понесла. Му-
ромскій, провозгласившій себя опли-
чнымъ наѣздникомъ, далъ ей волю и
внутренно доволенъ былъ случаемъ,
избавляющимъ его отъ непріятнаго
собесѣдника. Но лошадь, доскакавъ до
оврага прежде ея незамѣченнаго,
вдругъ кинулась въ спорону, и Му-
ромскій не усидѣлъ. Упавъ довольно
тяжело на мерзлую землю, лежалъ
онъ, проклиная свою куцую кобылу,
кошорая, какъ будто опомнясь, шоп-
часъ остановилась, какъ шолько по-
чувствовала себя безъ сѣдока. Иванъ
Петровичъ подскакалъ къ нему, ос-

вѣдомляясь, не ушибся ли онъ. Между пѣтъмъ снремянный привелъ виновную лошадь, держа ее подъ ушцы. Онъ помогъ Муромскому взобраться на сѣдло, а Бересповъ пригласилъ его къ себѣ. Муромскій не могъ опказатьсь, ибо чувствовалъ себя обязаннымъ, и такимъ образомъ Бересповъ возвратился домой со славою, заправивъ зайца и ведя своего прошивника раненымъ и почти военнопленнымъ.

Сосѣды, завпракая, разговорились довольно дружелюбно. Муромскій попросилъ у Береспова дрожекъ, ибо признался, что опъ ушибу не былъ онъ въ состояннн доѣхать до дома верхомъ. Бересповъ проводилъ его до самага крыльца, а Муромскій уѣхалъ не прежде, какъ взявъ съ него честное слово на другой же день (и съ Алексѣемъ Ивановичемъ) прѣхать оптобѣдашь попріятельски въ При-

лучино. Такимъ образомъ вражда спортивная и глубоко укоренившаяся, казалось, гонима была прекращенъ опъ пугливости куцою кобылки.

Лиза выбѣжала навстрѣчу Григорью Ивановичу.» Чшо это значить, папа? « сказала она съ удивленіемъ; »опъ чего вы хромаете? Гдѣ ваша лошадь? Чьи это дрожки? « — » Воопъ ужъ не угадаешь, my dear, « опвѣчалъ ей Григорій Ивановичъ, и рассказалъ все, чшо случилось. Лиза не вѣрила своимъ ушамъ. Григорій Ивановичъ, не давъ ей опомнишься, объявилъ, чшо завтра будунтъ у него обѣдать оба Бересповы. » Чшо вы говорите! « сказала она, поблѣднѣвъ. « Бересповы, опецъ и сынъ! Завтра у насъ обѣдате! Нѣптъ, папа, какъ вамъ угодно: я ни за чшо не покажусь. » — « Чшо ты, съ ума сошла? « возразилъ опецъ; » давно ли ты спала такъ заспѣи-

чива, или ты къ нимъ питаешь насмѣдливенную ненависть, какъ романтическая героиня? Полно, не дурачься . . . « — Нѣтъ, папа, ни за что на свѣтѣ, ни за какія сокровища не явлюсь я передъ Бересшовыми.» Григорій Ивановичъ пожалъ плечами и болѣе съ нею не спорилъ, ибо зналъ, что противорѣчить съ нею ничего не возьмешь, и пошелъ отдыхашь опъ своей доспопримѣчательной прогулки.

Лизавета Григорьевна ушла въ свою комнату и призвала Настю. Обѣ долго разсуждали о завпращнемъ посѣщеніи. Что подумаешь Алексѣй, если узнаешь въ благовоспитанной барышнѣ свою Акулину? Какое мнѣніе будетъ онъ имѣть о ея поведеніи и правилахъ, о ея благоразуміи? Съ другой спороны Лизѣ очень хотѣлось видѣшь, какое впечатлѣніе произвело бы на него сви-

даніе споль неожиданное... Вдругъ мелькнула ей мысль. Она пощчасъ передала ее Настѣ; обѣ обрадовались ей какъ находкѣ, и положили исполнить ее непременно.

На другой день за завтракомъ Григорій Ивановичъ спросилъ у дочки, все ли памѣрена она спряпашься опнѣ Бересшовыхъ. » Папа, « отвѣчала Лиза, « я приму ихъ, если эшо вамъ угодно, только съ уговоромъ: какъ бы я передъ ними ни лвилась, чшобъ я ни сдѣлала, вы бранишь меня не будете и не дадите никакого знака удивленія или неудовольствія. » — » Опянь какія нибудь проказы! « сказалъ смѣясь Григорій Ивановичъ. » Ну хорошо, хорошо; согласенъ, дѣлай что хочешь, черноглазая моя шалунья. « Съ эшимъ словомъ онъ поцаловалъ ее въ лобъ и Лиза побѣжала пригошовляшься.

Въ два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми, въѣхала на дворъ и покапшилась около гуспозеленаго дерноваго круга. Спарый Бересповъ вошелъ на крыльце съ помощью двухъ ливрейныхъ лакеевъ Муромскаго. Вслѣдъ за нимъ сынъ его прѣвхалъ верхомъ, и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ столовую, гдѣ споль былъ уже накрытъ. Муромскій принялъ своихъ сосѣдовъ, какъ нельзя ласковѣе, предложилъ имъ осмопрѣль передъ обѣдомъ садъ и звѣринецъ, и повелъ по дорожкамъ, щипшательно выметеннымъ и усыпаннымъ пескомъ. Спарый Бересповъ внутренно жалѣлъ о пошерянномъ трудѣ и времени на споль бесполезныя прихоши, но молчалъ изъ вѣжливости. Сынъ его не раздѣлялъ ни неудовольствія расчепливаго помѣщика, ни восхищенія самолюбиваго

англомана; онъ съ нешерпѣніемъ ожидалъ появленія хозяйской дочери, о копорой много слышался, и хотя сердце сго, какъ намъ извѣстно, было уже занято, но молодая красавица всегда имѣла право на его воображеніе.

Возвращаясь въ гостиную, они успѣлись въпроемъ: спарикъ вспомнилъ прежнее время и анекдоты своей службы, а Алексѣй размышлялъ о томъ, какую роль играеть ему въ присутствіи Лизы. Онъ рѣшилъ, что холодная разсѣянность во всякомъ случаѣ всего приличнѣе, и въ слѣдствіе сего пригосовился. Дверь открылась; онъ повернулъ голову съ такимъ равнодушіемъ, съ такою гордою небрежностію, что сердце самой закоренѣлой кокетки непременно должно было бы содрогнуться. Къ несчастію, вмѣсто Лизы, пошла

спарая Миссъ Жаксонъ, набѣленная, зашлянушая, съ пощупленными глазами и съ маленькимъ книксомъ, и прекрасное военное движеніе Алексѣево пропало вшунѣ. Не успѣлъ онъ снова собраться съ силами, какъ дверь опять опворилась, и на сей разъ вошла Лиза. Всѣ вспади; опецъ началъ было предспавленіе госпей, но вдругъ оспановился и поспѣшно закусилъ себѣ губы. . . . Лиза, его смуглая Лиза, набѣлена была по уши, насурмлена пуще самой Миссъ Жаксонъ; фальшивые локоны, гораздо свѣшлѣе собспвенныхъ ея волосъ, взбишы были, какъ парикъ Людовика XIV; рукава à l'imbécille шорчали какъ фижмы у Madame de Pompadour; шалия была перешлянуша, какъ буква иксъ, и всѣ бриліаншы ея мапери, еще не заложеныя въ Ломбардъ, сіяли на ея пальцахъ, шеѣ и усахъ. Алексѣй не

могъ узнашь свою Акулину въ эпой смѣшной и блестящей барышнѣ. Опець его подошелъ къ ея ручкѣ, и онъ съ досадою ему послѣдовалъ; когда прикоснулся онъ къ ея бѣленькимъ пальчикамъ, ему показалось, что они дрожали. Между тѣмъ онъ успѣлъ замѣнить ножку, съ намѣреніемъ выспавленную и обушую со всевозможнымъ кокепспивомъ. Это помирило его нѣсколько съ оспальнымъ ея нарядомъ. Что касается до бѣлилъ и до сурьмы, то въ простотѣ своего сердца, признашья, онъ ихъ съ перваго взгляда не замѣнилъ, да и послѣ не подозрѣвалъ. Григорій Ивановичъ вспомнилъ свое обѣщаніе и спарался не показашъ и вида удивленія; но шалоснѣ его дочери казалась ему шакъ забавна, что онъ едва могъ удержашьяся. Не до смѣху было чопорнѣй Англичанкѣ. Она догадывалась, что сурь-

ма и бѣлилы были похищены изъ ея комода, и багровый румянецъ до-сады пробивался сквозь искусствен-ную бѣлизну ея лица. Она бросала пламенные взгляды на молодую про-казницу, копорая, оплагая до дру-гаго времени всякія объясненія, при-шворялась, будто ихъ не замѣчашъ.

Сѣли за столъ. Алексѣй продолжалъ играть роль разсѣяннаго и задумчи-ваго. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспѣвъ, и шолько пофран-цузски. Отецъ поминушно засмаши-вался на нее, не понимая ея цѣли, но находя все это весьма забавнымъ. Англичанка бѣсилась и молчала. Одинъ Иванъ Пешровичъ былъ какъ дома: ѣлъ за двоихъ, пилъ въ свою мѣру, смѣ-ялся своему смѣху и часъ опъ часу дру-желюбнѣе разговаривалъ и кохоталъ.

Наконецъ вспали изъ за стола; госпи уѣхали, и Григорій Ивановичъ далъ

волю смѣху и вопросамъ. «Что тебѣ вздумалось дурачить ихъ?» спросилъ онъ Лизу. «А знаешь ли что? Бѣдныя право тебѣ приспали; не вхожу въ пайны дамскаго туалета, но на своемъ мѣспѣ я бы спалъ бѣднѣе; разумѣешь, не слишкомъ, а слегка.» Лиза была въ восхищеніи отъ успѣха своей выдумки. Она обняла отца, обѣщавшись ему подумать о его совѣтѣ, и побѣждала умиловляюще раздраженную Миссъ Жаксонъ, которая насилу согласилась отпереть ей свою дверь и выслушать ее оправданія. Лизѣ было совѣстно показаться передъ незнакомцами такой чернавою; она не смѣла просить... она была увѣрена, что добрая, милая Миссъ Жаксонъ проситъ ей... и проч., и проч. Миссъ Жаксонъ, удостоверившись, что Лиза не думала поднимать ее на смѣхъ, успокоилась, по-

цаловала Лизу, и въ залогъ примиренія подарила ей баночку Англійскихъ бѣлилъ, которую Лиза и приняла съ изъявленіемъ искренней благодарности.

Чишпашель догадается, что на другой день упромъ Лиза не замедлила явиться въ роцъ свиданій. «Ты былъ, баринъ, вечеръ у нашихъ господъ?» сказала она поспѣшь Алексѣю; «какова показалаась шебѣ барышня?» Алексѣй отвѣчалъ, что онъ ея не замѣпилъ. «Жаль,» возразила Лиза — «А почему же?» спросилъ Алексѣй. — «А попому, что я хотѣла бы спросить у тебя, правда ли, говоряшь...» — «Что же говоряшь?» — «Правда ли, говоряшь, будто бы я на барышню похожа?» — «Какой вздоръ! Она передъ тобой уродъ уродомъ.» — «Ахъ, баринъ, грѣхъ шебѣ это говоряшь; барышня

наша такая бѣленькая, такая щеголиха! Куда мнѣ съ нею равняться!» Алексѣй божился ей, что она лучше всевозможныхъ бѣленькихъ барышень, и чтобы успокоить ее совѣтъ, началъ описывать ея госпожу такими смѣшными чертами, что Лиза хохотала отъ души. «Однакожь,» сказала она со вздохомъ, «хоть барышня, можешь, и смѣшна, все же я передъ нею дура безграмотная.» — «И!» сказалъ Алексѣй, «есть о чемъ сокрушаться! Да коли хочешь, я пошчасъ выучу тебя грамотѣ.» — «А взаправду,» сказала Лиза, «не попытаться ли и въ самомъ дѣлѣ?» — «Изволь, милая; начнемъ хоть сей часъ.» Они сѣли. Алексѣй вынулъ изъ кармана карандашъ и записную книжку, и Акулина выучилась азбукѣ удивительно скоро. Алексѣй не могъ надивиться ея понимливости.

На слѣдующее утро, она захопѣла попробовать и писать; сначала карандашъ не слушался ея, но черезъ нѣсколько минутъ, она и вырисовывала буквы спала довольно порядочно. «Что за чудо!» говорилъ Алексѣй. «Да у насъ ученіе идетъ скорѣе, чѣмъ по Ланкашперской системѣ.» Въ самомъ дѣлѣ, на прѣшнемъ урокъ Акулина разбирала уже по складамъ Напалью Боярскую дочь, прерывая чтеніе замѣчаніями, оныя которыхъ Алексѣй испинно былъ въ изумленіи, и круглый листъ измарала афоризмами, выбранными изъ той же повѣсти.

Прошла недѣля, и между ними завелась перениска. Почтовая контора учреждена была въ дуплѣ спараго дуба Наспя вшайнѣ исправляла должность почпаліона. Туда приносили Алексѣй крупнымъ почеркомъ напи-

санныя письма, и шамъ же находилъ на синей проспой бумагъ каракульки своей любезной. Акулина видимо привыкала къ лучшему складу рѣчей, и умъ ся примѣнно развивался и образовывался.

Между пѣмъ, недавнее знакомство между Иваномъ Пепровичемъ Бересповымъ и Григорьемъ Ивановичемъ Муромскимъ болѣе и болѣе укрѣплялось и вскорѣ превратилось въ дружбу, вопъ по какимъ обспояшельствамъ: Муромскій нерѣдко думалъ о томъ, что по смерти Ивана Пепровича, все его имѣнне перейдетъ въ руки Алексѣю Ивановичу; что въ такомъ случаѣ, Алексѣй Ивановичъ будетъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ шой губерни, и что нѣтъ ему никакой причины не жениться на Лизѣ. Старый же Бересповъ, съ своей стороны, хотя и

признавалъ въ своемъ сосѣдѣ нѣкоторое сумазбродство (или, по его выраженію, Англійскую дурь), однако жъ не отрицалъ въ немъ и многихъ отличныхъ достоинствъ, на примѣръ : рѣдкой оборотливости ; Григорій Ивановичъ былъ близкой родственникъ Графу Пронскому, человѣку значному и сильному ; Графъ могъ быть очень полезенъ Алексѣю, а Муромскій (шакъ думалъ Иванъ Пепровичъ) вѣроятно обрадуется случаю выдасть свою дочь выгоднымъ образомъ. Спарики до тѣхъ поръ обдумывали все это каждый про себя, что наконецъ другъ съ другомъ и переговорились, обнялись, обѣщались дѣло порядкомъ обработать, и принялись о немъ хлопотать каждый со своей стороны. Муромскому предстояло затрудненіе : уговорить свою Бещи по-

знакомишься короче съ Алексѣемъ, кошпорого не видала она съ самаго достопамятнаго обѣда. Казалось, они другъ другу не очень нравились; по крайней мѣрѣ Алексѣй уже не возвращался въ Прилучино, а Лиза уходила въ свою комнату всякой разъ, какъ Иванъ Пепровичъ удоспоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. Но, думалъ Григорій Ивановичъ, если Алексѣй будетъ у меня всякой день, то Бешпи должна же будетъ въ него влюбиться. Это въ порядкѣ вещей. Время все сладитъ.

Иванъ Пепровичъ менѣе беспокоился объ успѣхѣ своихъ намѣреній. Въ шопъ же вечеръ призвалъ онъ сына въ свой кабинетъ, закурилъ трубку, и немного помолчавъ, сказалъ: «Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Или гусарской мундиръ уже себя не прель-

щасшь!» — «Нѣшь, бапюшка,» отвѣчалъ почтительно Алексѣй, «я вижу, что вамъ не угодно, чтобъ я шелъ въ гусары; мой долгъ вамъ повиновашься.» — «Хорошо,» отвѣчалъ Иванъ Петровичъ, «вижу, что ты послушный сынъ; эшо мнѣ утѣшительно; не хочу жъ и я тебя неволишь; не понуждаю тебя вступитъ... потчасъ... въ спашскую службу; а покажесь намѣрень я тебя женишь.»

«На комъ эшо, бапюшка?» спросилъ изумленный Алексѣй.

— «На Лизаветѣ Григорьевнѣ Муромской,» отвѣчалъ Иванъ Петровичъ; «невѣсна хощь куда; не правда ли?»

«Бапюшка, я о женишьбѣ еще не думаю.»

— «Ты не думаешь, шакъ я за тебя думалъ и передумалъ.»

«Воля ваша, Лиза Муромская мнѣ вовсе не нравишся.»

— «Послѣ понравишся. Спершишся, слюбишся.»

«Я не чувствую себя способнымъ сдѣлать ея щасіе.»

— «Не швое горе, ея щасіе. Чшо? такъ-шо шы почишаешь волю родительскую? Добро!»

«Какъ вамъ угодно, я не хочу женишся и не женюсь.»

— «Ты женишся, или я шебя проклянущу, а имѣніе, какъ Богъ свящѣ! продамъ и промощаю, и шебѣ полушки не оставлю. Даю шебѣ при дня на размышленіе, а пока мѣспѣ не смѣй на глаза мнѣ показаться.»

Алексѣй зналъ, что если опецъ заберещѣ что себѣ въ голову, шо ужь шого, по выраженію Тараса Скопнина, у него и гвоздемъ не вы-

шибешь; но Алексѣй былъ въ башнюшку, и его сполъ же прудно было переспорить. Онъ ушелъ въ свою комнату и спалъ размышляя о предѣлахъ власни родительской, о Лизаветѣ Григорьевнѣ, о торжественномъ обѣщаніи отца сдѣлать его нищимъ, и наконецъ объ Акулинѣ. Въ первый разъ видѣлъ онъ ясно, что онъ въ нее спрасно влюбленъ; романическая мысль, женишься на креспьянкѣ и живи своими прудами, пришла ему въ голову, и чѣмъ болѣе думалъ онъ о семъ рѣшительномъ поступкѣ, тѣмъ болѣе находилъ въ немъ благоразумія. Съ нѣкотораго времени свиданія въ роцѣ были прекращены по причинѣ дождливой погоды. Онъ написалъ Акулинѣ письмо самымъ чепкимъ почеркомъ и самымъ бѣшенымъ слогомъ, объявлялъ ей о грозящей имъ поги-

бели, и шущъ же предлагалъ ей свою руку. Тотчасъ опнешь онъ письмо на почшу, въ душло, и легъ спать весьма довольный собою.

На другой день Алексѣй, швердый въ своемъ намѣреніи, рано ушромъ поѣхалъ къ Муромскому, дабы опкровенно съ нимъ объяснишься. Онъ надѣялся подспрекнуть его великодушіе и склонишь его на свою шпорону. «Дома ли Григорій Ивановичъ?» спросилъ онъ, ошпанавливая свою лошадь передъ крыльцомъ Прилучинскаго замка. «Никакъ нѣтъ,» опвѣчалъ слуга; «Григорій Ивановичъ съ ушра изволилъ выѣхать.» — «Какъ досадно!» подумалъ Алексѣй. «Дома ли, по крайней мѣрѣ, Лизавеша Григорьевна?» — «Дома-съ.» И Алексѣй спрыгнулъ съ лошади, опдалъ поводья въ руки лакею, и пошелъ безъ доклада.

« Все будетъ рѣшено, » думалъ онъ, подходя къ госпиной; « объяснюсь съ нею самою. » Онъ вошелъ. . . . и ошолбенѣлъ! Лиза. . . . нѣтъ, Акулина, милая, смуглая Акулина, не въ сарафанъ, а въ бѣломъ, ушреннемъ платьицѣ, сидѣла передъ окномъ и читала его письмо; она такъ была имъ занята, что не слышала, какъ онъ и вошелъ. Алексѣй не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хотѣла убѣжать. Онъ бросился ее удерживать. « Акулина, Акулина! . . . » Лиза спаралась отъ него освободиться. . . . « Mais laissez - moi donc, Monsieur; mais êtes-vous fou? » повпоряла она, опворачиваясь. « Акулина! другъ мой, Акулина! » повпорялъ онъ, цалуя ея руки. Миссъ Жаксонъ, свидѣтельница этой сцены, не знала, что подумать. Въ эту мину-

пу дверь отворилась, и Григорій Ивановичъ вошелъ.

« Ага! » сказалъ Муромскій, « да у васъ, кажется, дѣло совсѣмъ уже слажено. . . . »

Чишпатели избавить меня отъ излишней обязанности описывать развязку.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
I. Выспрмъ.....	1.
II. Мешель.....	37.
III. Грбовщикъ.....	73.
IV. Станціонный смотритель.....	97.
V. Барышня-крестьянка.....	133.

ПОГРѢШНОСТИ.

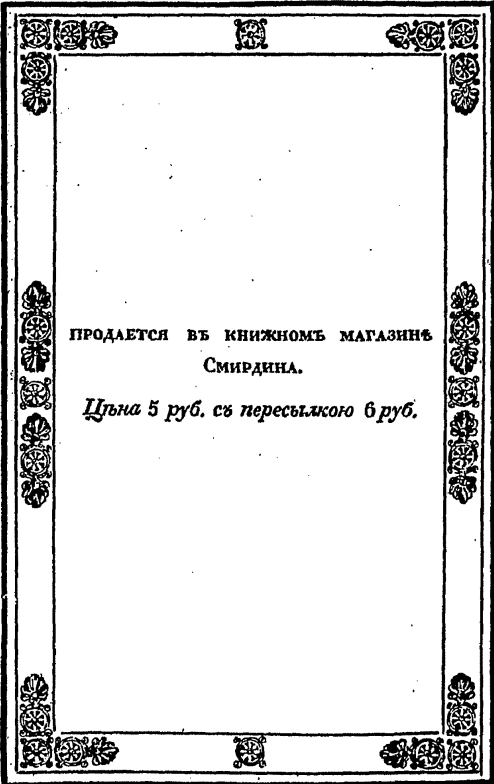
<i>Стран. Напечатано :</i>	<i>Чистой :</i>
30. <i>послѣ</i> : пошла пѣш- комъ домой.	<i>пропущено</i> : я поѣхалъ впередъ.
56. <i>миленькой</i> улапъ	маленькій улапъ.
68. <i>еслибы...</i> — «Мол- чише, <i>Тутъ же</i> : Вы шер- заете меня.» — «Да, я знаю,	<i>если бы...</i> молчанше, Вы шерзаете меня. Да я знаю.
107. <i>свѣжаго и добраго</i> :	свѣжаго и бодрого
109. <i>Симеонъ</i>	Самсонъ
144. <i>въ селѣ Апововѣ</i>	въ селѣ Прилучинѣ
145. <i>Гавриловна,</i>	Григорьевна.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представ-
лены были въ Цензурный Комитетъ три эк-
земпляра. С. Петербургъ, Сентября 1 дня,
1831 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ

Никита Бутырскій.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
СМИРДИНА.

Цѣна 5 руб. съ пересылкою 6 руб.